

ВЛАДИСЛАВ КАРТАВЦЕВ

ФАКУЛЬТЕТ

КУРС ТРЕТИЙ

Факультет

Владислав Картавцев

Факультет. Курс третий

«Accent Graphics communications»

2017

Картавцев В.

Факультет. Курс третий / В. Картавцев — «Accent Graphics communications», 2017 — (Факультет)

ISBN 978-1-38-691650-5

«Факультет. Курс третий» – новая книга, повествующая об учебе на странном и необычном факультете «Факультете изучения трансцендентных состояний» при МГТУ им Н. Э. Баумана. Учеба продолжается, опыт «мистики и магии» растет, и приключения, и новые знания не заставят себя ждать. И Кирилл Раевский – главный герой – готов окунуться в них с головой. Встречайте новый роман, и я уверен – он не покажется вам скучным!

ISBN 978-1-38-691650-5

© Картавцев В., 2017

© Accent Graphics
communications, 2017

Содержание

Часть первая. Пятый семестр – как он есть	5
Глава первая. Июль-август	5
Глава вторая. События	15
Глава третья. Внезапно все поменялось	23
Глава четвертая. Возвращение домой	33
Глава пятая. Все входит в норму (или не входит?)	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владислав Картавцев

Факультет. Курс третий

Часть первая. Пятый семестр – как он есть

Глава первая. Июль-август

За лето Москва еще более похорошела. Власти не жалели денег на ЖКХ, скверы, парки и улицы начинали чистить с самого утра, фонтаны искрились чистой прозрачной водой, позолота храмовых куполов была такой яркой, что невольно навевала мысли о том, что о ее – позолоте – яркости заботится лично Иисус Христос.

Родной город нравился Кириллу все больше. По вечерам почти не было видно пьяных (по крайней мере, их количество сильно уменьшилось), курение вышло из моды – и особенно у молодежи – и поэтому концентрация брошенных на асфальт окурков снизилась. Зато повысилась концентрация велосипедов на единицу площади, и взрывным образом выросла протяженность велосипедных дорожек – и горожане полюбили экологически-чистый способ передвижения.

Кирилл тоже полюбил велосипед. Вторую половину августа он провел в Москве и каждый день колесил на своем двухколесном друге по району – и даже выезжал в центр. Особенно приятно было кататься в ЦПКиО им. Горького и на Поклонной горе. Там велосипедные дорожки были особенно широкими, кататься – не хочу! Ни с кем не столкнешься, и никто плохого слова вслед не скажет.

Кирилл частенько вспоминал о летнем отдыхе – тот выдался очень насыщенным. Папа Кирилла специально распланировал продолжительный отпуск, согласовал всё с мамой, и они семьей отправились в Африку – в ее центральную часть. В страну под названием Танзания.

«Танзания – государство в Восточной Африке. Входит в Содружество наций. На севере граничит с Кенией и Угандой, на западе – с Руандой, Бурунди и Демократической Республикой Конго, на юге – с Замбией, Малави и Мозамбиком. Восточной границей является Индийский океан.

Слово «Танзания» – комбинация названий двух бывших колоний, которые вошли в состав этой страны: Танганьики и Занзибара. У Танзании – две столицы...»

Перед тем как отправиться в Африку, Кирилл тщательно изучил все доступные материалы по Танзании, включая печатную литературу, «Википедию» и туристические информационные Интернет-сайты. Прежде всего, эта страна интересовала его с точки зрения *настройки* – которая была необходима, чтобы запустить *видение*.

Кирилл еще с детства помнил знаменитые стихи Корнея Чуковского

«Африка ужасна,
Да-да-да!
Африка опасна,
Да-да-да!
Не ходите в Африку,
Дети, никогда!»

и был полностью согласен с автором. В его – Кирилла – представлении Африка олицетворяла собой нечто пугающее: вооруженные автоматами бандиты, повсеместное употребле-

ние наркотиков, нищета, болезни, пираты Аденского залива, кровавые диктаторы и не менее кровавые бизнесмены, эксплуатирующие местное население на алмазных и золотых рудниках.

О невероятных красотах Африки Кирилл никогда прежде не думал и очень сильно удивился, когда папа торжественно объявил, что он выкупил тур, и вскоре вся семья отправится в невероятное захватывающее путешествие по Черному континенту.

Путешествие действительно обещало быть захватывающим – начиная с оформления для Кирилла заграничного паспорта. Заказывая тур, папа как-то не учел (да и не знал он, честно говоря), что Кирилл является носителем государственной тайны – имеет допуск по Форме 1.

Весной предыдущий загранпаспорт Кирилла как раз закончился, а его дипломатический паспорт, с которым он ездил в Австрию на памятную встречу министров иностранных дел, уже давно по-тихому аннулировали. Так что Кирилл, не мудрствуя лукаво и совершенно не задумываясь о возможных препонах, пошел в УФМС – за новыми выездными документами. А там началась свистопляска.

Через пару дней после приема документов из УФМС позвонили и попросили Кирилла прибыть для дачи неких разъяснений по его текущему статусу резидента. В голосе звонившего сотрудника чувствовалась растерянность – начальство нагрузило его по этому вопросу, и он не понимал, в чем причина. Кирилл ведь просто студент, какие здесь могут быть проблемы?

После звонка из УФМС Кирилл напрягся. Что-то явно шло не так, и он погрузил себя в состояние *видения*. И немедленно получил ответ – о наличии допуска на выезд. В раздражении Кирилл сильно хлопнул себя по лбу (как он этого не учел?) и помчался к Щербеню – выправлять соответственные бумаги.

По счастью, Павел Иванович оказался на месте – не в отпуске, не в командировке и не на больничном. Он, широко улыбаясь и время от времени похахатывая, выслушал Кирилла, покивал головой и попросил объяснить: за каким чертом Кирилла понесло в Танзанию? А когда Кирилл все подробно описал (особо упирая на то, что за прошедшие два года он так усердно сохранял режим секретности, что даже его семья не догадывается, какими важными делами он занимается), Щербень подумал пару минут, что-то про себя взвесил и согласился:

– Ну, коли уж соблюдать режим секретности, то соблюдать всеми способами! А невыдача тебе паспорта вызовет лишние дурацкие вопросы. В общем, иди – я обо всем договорюсь!

В итоге загранпаспорт Кирилл все-таки получил, но вопросов от мамы и отца избежать не удалось. Теоретически, Кирилл мог бы им ничего и не говорить, но посчитал правильным на будущее обозначить – о предстоящих зарубежных поездках ему нужно знать заранее. Дескать, таковы правила, установленные в университете, и он под ними подписался! Отговорка, конечно, получилась так себе, и родители дружно накинулись на Кирилла, пытаясь выяснить правду. Но Кирилл и в этот раз не подкачал – держался, как стойкий оловянный солдатик. И родители в итоге отстали и переключились на обсуждение собственно маршрута путешествия.

Им предстояло лететь авиакомпанией «Emirates Airlines» – без посадки почти десять часов. И хотя самолет предполагался комфортный и безопасный, Кирилл заранее нервничал – самолеты он очень не любил. И особенно потому, что граждане-пассажиры, все как один, неоднозначно относятся к перелетам, пугаются и потеют, если лайнер попадает в турбулентные потоки, и поэтому находиться в салоне самолета очень тяжело. Атмосфера неуверенности, напряженности и страха так давит на голову, что хоть караул кричи!

Плюс ко всему на высоте десять тысяч метров отекают ноги, от долгого сидения в кресле деревенеют мышцы спины, а спать жутко неудобно. Короче – предполагалась масса неудобств (которые, впрочем, Кирилл намеревался искупить новыми сильными впечатлениями от самой Танзании).

Как и положено человеку с его способностями, еще до начала путешествия он хорошо настроился на него, расширил область *видения* и постарался почувствовать, во что это

все выльется. В принципе, путешествие выглядело довольно светлым, и каких-либо глобальных проблем не предполагалось. И Кирилл с легким сердцем позволил себе отдаться предотъездным хлопотам.

Перелет был тяжелым. Над Индийским океаном сильно болтало, народ в салоне самолета периодически повизгивал и крестился, а маленькие дети – были и такие, и Кирилл реально не понимал, зачем их тащить в Африку – начинали громко плакать. И мамашам требовалось довольно много терпения, чтобы их успокоить.

Когда лайнер приземлился в Додоме – столице Танзании – Кирилл чувствовал себя как выжатый лимон. Он почти не держался на ногах, и его родители выглядели не лучше. Так что еще почти сутки они отдыхали в отеле и восстанавливались. Ну, а на следующий день начались приключения.

Первым, самым сильным впечатлением от Танзании оказалась невыносимая жара. Столбик термометра стабильно зашкаливал за тридцать – тридцать пять градусов Цельсия, и влажность была такая, что хоть ложись и помирай! В кондиционированном отеле раскрученной западной сети было еще ничего, но стоило выйти на улицу и загрузиться в открытый джип – сафари же, как же! – как все прелести местного климата тут же дали о себе знать.

По совету русскоговорящего гида (из Беларуси, уехал в Африку еще пятнадцать лет назад, да так и остался) перед дальней поездкой Кирилл – и папа с мамой – тщательно намазались средством против загара с самым сильным из возможных коэффициентов защиты и средством против укусов комаров и других кровососущих насекомых. Только это их и спасло – да и то не совсем.

Безжалостное африканское солнце (а у них там, между прочим, в июле месяце – разгар зимы) палило с всесокрушающей яростью, и если лица путешественников прикрывали широкополые шляпы – купили их по совету все того же гида-беларуса – то руки и ноги весьма пострадали от солнечных ожогов. А под вечер – когда прибыли на место, в известный национальный парк – у мамы случилась истерика, и она чуть ли не матом крыла отца за то, что он заставил ее выбраться из роскошной уютной московской квартиры и отправиться к черту на кулички. Где ее – маму – жрут малярийные комары и африканские оводы величиной с кулак, и солнце допекает до полусмерти.

От обоснованных нападков мамы папа отбивался, как танзанийский лев, первого из которых они встретили уже с утра. Лев был шикарен – громадная валяжная кошка с густой гривой и очень умными суровыми глазами.

Глядя на него, Кириллу почудилось, что он запросто может установить с львом контакт на уровне ощущений, и он даже решился, но ничего не вышло. Ко льву присоединились его львицы (шесть кошек) – они откуда-то приволокли убиенную антилопу, и самец-царь-зверей проигнорировал призывы Кирилла в пользу обеда. И так недружественно посматривал на стоящий вдалеке джип (а Кирилл в свою очередь изучал льва в огромный морской бинокль), что гид-беларус счел за лучшее убраться из этого места по добру, по здорову. Убраться – пока хищники невзначай не подумали, что люди им мешают, и нужно заняться ими серьезно.

Они колесили по парку целый день и наблюдали за жизнью диких зверей и птиц. Птицы, кстати, особенно понравились Кириллу – их окраске мог позавидовать даже калейдоскоп, легко составляющий из осколков цветного стекла восхитительные цветочные композиции. И еще: птицы отличались дикой сварливостью и непримиримостью к своим собратьям. Наблюдать за их сварами Кириллу было так весело и так интересно, что он невольно сравнивал этот процесс с медитацией. И там, и здесь заряд получаемой бодрости и веселого настроения был примерно сопоставим.

Они переночевали прямо в парке – в специально обустроенном коттедже для западных туристов. Можно было выбирать – коттедж или аутентичная палатка на свежем воздухе, но палатку мама отвергла с жаром, присущим настоящей цивилизованной белой женщине. И под-

крепила свой жар угрозой убить папу прямо на месте, если он заставит ее лечь в кишасший насекомыми африканский спальный мешок.

На что папа предпринял попытку отшутиться – мол, что от одного вида мамы все местные насекомые разбегутся кто куда, но был в буквальном смысле бит туристическим рюкзаком по голове. В таком состоянии мама шуток не понимала – и слава богу! Потому что спать в коттедже на чистых простынях и в мягкой постели намного лучше, чем в мешке и на земле. Пусть хоть эта земля и теплая от солнца.

Проснувшись наутро, мама заявила отцу, что он может делать что хочет, может планировать что хочет, но она и с места не сдвинется, если не получит гарантий еженощного культурного отдыха – наподобие коттеджного. На что отец спросил: «А как же горы?», и ему было отвечено, что он может жениться на своих горах, а мама с радостью с ним разведется – после того, как он завез ее в такую адскую глухомань!

В родительских разборках Кирилл не участвовал, предпочитая занимать взвешенный нейтралитет. Зато он с удовольствием садился подышать в одиночестве на закате и во время восхода, напиваясь необычайной тишиной и пустотой здешних мест. В отличие от Москвы, которая представляет собой огромный переполненный человеческий муравейник, здесь присутствие людей было почти неощутимо, и царствовали *силы* открытых диких пространств.

Прежде чем вторгаться в их вотчину, Кириллу пришлось представиться и засвидетельствовать, что он здесь проездом, он никому не желает зла, он здесь гость, приехал просто наслаждаться природой и видами. И вскоре он уедет – с воспоминаниями и хорошим настроением.

Такое знакомство было необходимо – в противном случае появление человека, способного *качать бесконечность*, *силы* могли воспринять, как покушение на их привилегии. И, соответственно, наброситься на Кирилла толпой – и поди тогда попробуй от них отбиться!

Медитация на восходе солнца – что может быть лучше? Природа, земля просыпается после ночного сна, все вокруг расцветает и наполняется светом и радостью, по телу, застывшему в позе лотоса, струятся теплые потоки из бесконечности, и душа замирает, отдавшись внеземному восторгу. И как жалко, что жители городов не могут этого прочувствовать – возможно, они по-иному бы взглянули на мир!

Единственно, что не нравилось Кириллу – это слишком уж быстрые африканские рассветы и закаты. Солнце – в отличие от среднерусской полосы – буквально выпрыгивало из-за горизонта и тут же устремлялось вверх – в зенит. А вслед за солнцем приходила и жара, а медитировать на жаре – никакого удовольствия не получишь. А только весь *потом* изойдешь. Поэтому Кирилл жадно ловил драгоценные минуты предрассветной и закатной тишины – и просыпаться ему приходилось рано.

Вняв пожеланиям мамы, папа в экстренном порядке подкорректировал программу пребывания в Национальном парке Танзании и отказался от четырехдневного похода в горы. Чему мама была очень рада и с удовольствием озвучивала примерное следующее: «А ты у меня молодец, Боря! Умеешь легко и правильно принимать решения. Вовремя понял, что пешая прогулка в местном климате не пойдет нам на пользу – и тем более, прогулка в горы. К тому же – какие здесь горы?! Недоразумение одно! Вот то ли дело у нас на Кавказе где-нибудь в районе Сочи! В следующем году обязательно туда поедем!»

Вылазке в горы нашли достойную альтернативу – рыбалку. Гид-беларус так ярко о ней рассказывал, рисовал такие влекущие картины, что устоять перед ними было выше папиных сил.

– Представьте себе: огромная двоякодышащая рыба сама насаживается на крючок, и Вы тянете ее на берег, чувствуя мощь, силу и непереносимое желание Вас сожрать! Вы вступаете в противостояние не просто с рыбой, не просто с рыбешкой, а с существом по возрасту старше динозавров, с пра-праматерью всех рыб и животных, которое пятьсот миллионов лет назад выбралась из океана на сушу! – гид-беларус усиленно подмигивал папе, а водила и еще один

сопровожающий из местных ему поддакивали (хотя ни слова не понимали из того, о чем идет речь).

И против такого напора папа не устоял. Ведь он обожал рыбалку, и отказаться от заманчивой перспективы заудить пра-праматерь всех рыб было выше его сил. Вылазку на озеро с двоякодышащими рыбами назначили через пару дней, а пока что принялись тщательно обследовать окрестности, фотографируя и снимая на камеру все подряд. Гид-беларус заикнулся о возможности пострелять живность из ружей, но мама так на него зыркнула, что он тут же взял свои слова обратно. Мама Кирилла очень трепетно относилась к животным, а охотников считала худшими представителями рода человеческого.

Красота танзанийской природы, конечно, была ни с чем не сравнима. Таких ярких сочных красок, такого пронзительно-синего глубокого неба Кирилл не видел нигде. Белизна облаков навевала мысли об их божественном происхождении, а кроваво-красные закаты могли заставить замолчать и замереть в почтении любого отъявленного богохульника. Они завораживали Кирилла, он наслаждался их мощью и монументальной завершенностью и с грустью думал, что вскоре придется возвращаться в Москву, и он больше не сможет воздать закатам должное. Впрочем, грусть почти всегда была мимолетной и ни к чему не обязывающей.

«Рыбалка на кистеперых рыб» прошла на ура – за исключением того факта, что никаких кистеперых (или двоякодышащих) чешуйчатых созданий и в помине не было, но зато обычная рыба клевала не переставая. Гид-беларус, как и папа, оказался закоренелым рыбаком и большим знатоком рыбных мест. Благодаря ему папа тягал одну рыбину за другой, и таких горящих от восторга отцовских глаз Кирилл не видел прежде никогда.

Сам Кирилл получил в свое распоряжение надувную лодку с мотором и вместо рыбалки отплыл на середину озера – ему хотелось прочувствовать, что значит оказаться одному посреди дикого африканского пространства. И не просто прочувствовать, а сравнить свои ощущения с теми, что он испытывал на родине – да вот, например, на Байкале зимой.

Возможно, ему бы представилась такая возможность – посидеть спокойно в тишине и сравнить – но Кирилл не учел одного: здесь – вдали от цивилизации – человек уже не является безапелляционным хозяином природы, и местные гиппопотамы с удовольствием им полакомятся, стоит ему зазеваться и расслабиться.

Как только Кирилл заглушил лодочный мотор и сбросил в воду небольшой проржавевший якорь, плескавшиеся неподалеку бегемоты, с шумом выдыхая воздух через носовые отверстия и устрашающе раскрывая огромные пасти, сразу устремились в его сторону. И Кириллу еще очень повезло, что он сумел от них оторваться. Повезло, что мотор завелся с первого раза, что якорь оказался не таким тяжелым, и Кирилл смог его быстро вытянуть обратно в лодку. В общем, повезло.

После чудесного спасения от бегемотов-людоедов Кирилла колотило часа два, и он почти не обращал внимания на родителей, которые увлеченно тягали пойманную рыбу на берег. С ними рыбачили не только гид-беларус, но и сопровождающие экскурсию африканцы: они с радостью использовали возможность разнообразить свой пищевой рацион. А что? Несколько десятков килограммов рыбы, которую можно успешно закатать в морозилку, а потом целый месяц есть, никому не помешают.

Кирилл не стал ничего говорить родителям – сам виноват, и к тому же у мамы случился бы припадок непременно! А Кирилл действительно сам виноват – просчитать вероятность купания диких земноводных бегемотов в середине мелкого африканского озера он вполне бы мог. И если бы чуть-чуть подумал, то отменил бы свой заплыв – во избежание серьезной опасности. Но, как говорится: «Хорошая мысль приходит опосля хорошего времени для хорошей мысли».

Тот день закончился алкогольными возлияниями – папа с мамой приложились к аутентичному танзанийскому самогону (даже гид-беларус не мог толком сказать, из чего его гонят – то ли из кактусов, то ли из коры деревьев, то ли из шкур змей, водящихся здесь в изобилии). А, может, и знал, но не хотел говорить – чтобы не отбить у туристов желания напиться.

Аксиома: в пьяном виде человек слабее контролирует себя – вот и папа разошелся не на шутку. Он заказывал и заказывал самые экзотические блюда (которые только мог выдать маленький ресторанчик при коттедже) и выложил за них кучу бабок – по местным меркам. И все были довольны. Все – кроме папы и мамы, которые проснулись с больной головой и сильно помятыми лицами. А еще через два дня пришло время улетать обратно в Москву.

В общем и целом, в Африке Кириллу понравилось. Сумасшедшие туристические виды, экзотические животные и птицы – и даже рыбалка, во время которой его могли запросто съесть – запали в сердце, и только усиленный многочасовой пересмотр турпоездки помог Кириллу высвободить эмоции и вернуть их обратно – чтобы не тянули силы насыщенными воспоминаниями.

Вместе с тем, Кирилл испытал сильное облегчение, когда они вернулись на родину. Чужбина – она и есть чужбина, и даже магические упражнения не делают ее ближе. И, находясь на чужбине, поневоле теряешь энергию – а дома и стены помогают!

* * *

Несколько дней Кирилл восстанавливался, а потом появился в МИД – к Щербеню. Павел Иванович уже «рыл рогами землю» от нетерпения и немедленно загрузил Кирилла работой по профилю.

Задание было непростым (впрочем, как и всегда). Щербень вывалил перед Кириллом целый ящик бумаг – копии и оригиналы на различных иностранных языках (и китайский, и арабский, и английский, и немецкий, и французский, и итальянский, и испанский – и т. д.) и выдал диск с огромным количеством документов – в придачу к коробке. И, хитро подмигивая, попросил Кирилла дать ответ – что он обо всем этом думает. Обо всем – это значит, о каждом документе и о каждом файле!

«Сестры не могли нарадоваться. В день бала они ни на шаг не отходили от зеркала, примеряя наряды. Наконец, вечером, разряженные и расфуфыренные, они уселись в карету и поехали во дворец. Но перед отъездом мачеха строго сказала Золушке:

– И не думай, что ты станешь бездельничать, пока нас не будет дома. Я найду для тебя работу!

Она огляделась по сторонам. На столе, около большой тыквы, стояли две тарелки: одна с просом, другая с маком. Мачеха высыпала просо в тарелку с маком и перемешала.

– А вот тебе и занятие на всю ночь: отдели просо от мака!

Золушка осталась одна...»

Кирилл уныло выслушал Щербеня, пожалуй, первый раз, начиная с момента их знакомства, испытывая желание покрыть его с ног до головы нецензурными словами – то бишь матом.

«Это ж надо такое придумать! Да тут работы – минимум на несколько лет, и, кажется, я стал сильно похож на Золушку? В свободное, так сказать, от каникул время!», – Кирилл глубоко вздохнул и покорно утащил коробку в «пещеру Аладдина» – изучать, анализировать ощущения и *видение* и записывать результаты в толстую тетрадь в клетку.

Время в «пещере Аладдина» текло незаметно – и, кроме того, здесь Кириллу было так привычно и так комфортно, что он чувствовал себя совсем как дома. И, соответственно, его энергии были расслаблены и очень восприимчивы. А для себя он сразу решил, что будет просматривать документы неспешно – для начала определяя, имеют ли они хоть какую-нибудь ценность, и отсеивая ненужные.

В процессе работы выяснилось, что коробочка – очень даже непростая, и документов, требующих дополнительного подробного рассмотрения, в ней – пруд пруди. А это означало, что Щербень нагрузил Кирилла не просто так (чтобы было, чем заняться), а очень даже по делу. И злость на Павла Ивановича у Кирилла прошла сама собой, и он испытал к нему даже некоторое чувство признательности – за то, что ценит и доверяет.

Доверяет – потому что не было никакого сомнения: документы из коробки добыты либо не совсем законными дипломатическими методами, либо – резидентурой разведки. А где резидентура – там все очень серьезно. И Кирилл принял для себя решение – во время каникул появляться у Щербеня как можно чаще. Тем более, особых планов на оставшуюся часть лета не было – не считая Маши.

Она позвонила Кириллу сама. Примерное за неделю до ее звонка Кирилл почувствовал, что «девушка созрела». Маша – как и положено богатой красавице, у ног которой лежит весь мир, долго боролась сама с собой, убеждая себя, что негоже ей проявлять инициативу, но интерес к персоне Кирилла был так высок, что она не выдержала.

– Привет, это я! – голос Маши звучал несколько возбужденно. – Не ожидал моего звонка?

– Ух ты, вот это сюрприз! – Кирилла так и подмывало сказать «Да чего там не ожидал! Уже неделю как!», но он сдержался. С девушками так нельзя – девушка должна олицетворять собой тайну (и тайну тайн), и демонстрировать, что ты заранее знаешь, как она поступит – верх глупости!

– Ага! – Маша не скрывала своей радости. – А ты ведь, вроде, крутой маг (или что-то типа того), мог бы и догадаться! Выходит, у твоих чар есть предел, за который ты перешагнуть не в силах?

– Само собой! – Кирилл быстро прикинул, как вести разговор. Пожалуй, смешливая, немного ироничная манера будет в самый раз. – Что новенького, как жизнь вообще?

– Отлично! – Маша громко фыркнула. – Ты не перестаешь меня удивлять. Все МЧ, с кем я общаюсь, заведя или услышав меня, тут же делают стойку и плотоядно, как у пуделя, высовывают язык – в надежде, что им обломится что-нибудь из сладкого. У тебя же – ничего подобного! Ты со всеми девушками так холоден и отстранен, как со мной?

Кирилл промедлил секунду – сама постановка вопроса была провокационной. И неважно, каков будет ответ – здесь не подходят ни «Да», ни «Нет». И он, конечно, в эту западню не попадется.

– Я, пожалуй, тебя разочарую! На данный момент со мной рядом нет девушек – как-то так получилось! Может быть, я для них слишком хорош?

– О! – Маша оживилась (после первых реплик она немного сникла – и вот опять). – Значит, если я приглашу тебя вечером, допустим, в ресторан, у тебя не будет возможности откосить? Ты любишь рестораны?

– Смотря какие! – у Кирилла засосало под ложечкой, и мышцы живота напряглись. Неужели Маша серьезно предлагает ему свидание? – Некоторые мне очень даже нравятся!

– А ты что, во многих бывал? – Маша засмеялась. – Впрочем, это неважно! Записывай адрес и время – только не опаздывай! И цветы не забудь!..

Кирилл прибыл на место встречи минут за пятнадцать до означенного срока. Он несколько не сомневался, что Маша припозднится, и у него есть фора минимум полчаса, но все равно опоздать себе позволить не мог. Привилегия опаздывать – привилегия красивых девушек и президентов, а он – не то и не другое. В руках у Кирилла был шикарный букет из двадцати пяти белых роз – почему-то он решил, что Маше они понравятся. И он – не какой-нибудь нищий студент, чтобы экономить на цветах!

Ресторан, в котором ему назначили randevu, назывался «Синий Семицветик» и располагался на Цветном бульваре. Кирилл, недолго думая, зашел внутрь и сел за столик, заказав кофе.

В ресторане было пусто – вторник, и к тому же лето. Летом количество москвичей, толкущихся в городе, уменьшается процентов на тридцать-сорок, и лето для рестораторов – мертвый сезон.

Маша опоздала (ну, или задержалась) не на тридцать-сорок минут, как рассчитывал Кирилл, а на целых полтора часа. Но Кирилл воспринял ее опоздание спокойно – он чувствовал, что она обязательно придет, и просто потратил свободное время на упражнения – на пере-смотр и медитацию. Конечно, ресторанная медитация была относительной, но не в телефон же ему пялиться, читая последние бестолковые новости. И никакая медитация не бывает лишней – это правило.

Маша подкатила к ресторану на шикарном «Мерседесе», припарковалась и вышла, как королева. Шмотки на ней были отпадными, и хоть Кирилл не особо разбирался в названиях, фирмах, крое и тканях, он сразу понял – они ого-го на каком уровне!

– Привет! – Маша легко чмокнула его в щеку и кинула сумку на диван. – Давно ждешь?

– Два часа почти! – Кирилл мельком взглянул на часы. – А это тебе! – он протянул Маше букет. – К сожалению черных роз найти не смог, пришлось купить белые. А черные были бы в тему!

– Думаешь? – Маша явно была заинтригована. – А почему именно черные? У тебя что, сегодня такое черное настроение?

– Да нет! – Кирилл принял из рук подсуетившегося официанта меню и отдал его Маше. – Просто я подумал, что черные розы – это очень стильно и гламурно. Ну, не совсем черные – а с проблесками, например, страза или бриллиантовой пыли.

– А ты парниша что надо! – Маша подмигнула Кириллу и принялась листать меню. – Ну, так как – угостишь девушку ужином в придачу к цветам? Предупреждаю, у меня – зверский аппетит, и я намерена съесть целого быка! Потянешь?

– Само собой! – Кирилл пожал плечами. Само собой, он потянет и не выкажет и толики неудовольствия при любой сумме ценника...

* * *

Тот вечер закончился для них долгой прогулкой, в течение которой Маша не оставляла попыток разузнать, чем конкретно Кирилл занимается. И Кириллу пришлось усиленно отнекиваться – дескать, он просто очень сильно интересуется йогой и в свободное от учебы время практикует эзотерические упражнения – самостоятельно.

Но Маша не отставала и наконец упросила Кирилла рассказать что-нибудь эдакое-особенное, и он был вынужден вкратце описать ей теорию пересмотра.

– Вот представь, что человек – это не просто физическое тело, набитое мускулами и костями, а некий конгломерат видимой материи и видимых и невидимых энергий. Для нас с тобой представить подобное – раз плюнуть! Всё же мы учимся не в какой-нибудь левой керо-синке, а в лучшем техническом ВУЗе страны! Представила? Вот и хорошо.

Следующее – в процессе жизни человек получает и теряет энергию. Этот процесс происходит постоянно – и во сне тоже. Сон, кстати, мощнейшая батарейка – из тех, что подзаряжают человека – но я пока не стану на этом заикливаться. Лучше как-нибудь в другой раз, чтобы не мешать всё в одну кучу.

С получением энергии – здесь все понятно. В основном нам ее дает пища, солнечный свет, ну и еще – соответственное настроение. Т. е. настройка на нечто вовне нас – на то, что дарует радость. Последний пункт относится к области эзотерики, и каждый, кто практикует медитацию, уверенно скажет – он играет важнейшую роль в нашей жизни. Я доходчиво объясняю?

Маша утвердительно кивнула, у нее горели глаза. Чувствовалось, рассказ Кирилла ей очень интересен, и он приковал всё ее внимание. В это время они как раз остановились возле лавочки в сквере, и Кирилл предложил сесть.

– Так вот. Энергию мы получаем, а потом ее расходуем. Но расходуем не просто так, как, например, расходует энергию лампочка накаливания, освещающая комнату. Дело в том, что наша энергия – она особенная. Можно сказать, что она наполнена жизнью, и мы тоже – в некотором роде лампочки. Только вся интенсивность нашего энергетического излучения приходится на невидимый глазу (и прочим нашим оптическим приборам) спектр – в отличие от той же лампочки.

Эта наша энергия складывается, накапливается в определенных местах (вообрази, что есть склад потерянных энергий – как склад потерянных вещей) и хранится там до момента нашей смерти. А в момент смерти она взрывным образом вспенивается, перемешивается с окружающим нас бесконечным пространством – словно микро-сверхновая звезда – оповещающая бесконечность, что еще один маленький маячок умер. Погас и больше никогда не вернется к жизни. Бесконечность всасывает нашу потерянную энергию, чуть-чуть изменяется, и всё – наш жизненный путь завершен!

– Господи, кошмар какой! – Маша схватилась за рот и громко сглотнула слюну. – Я так живо представила момент моей смерти, и мне стало так страшно! Картина – как живая, или, может, лучше сказать – как мертвая?!

– Ну! – Кирилл ласково взглянул на девушку. – Не бери пока в голову и считай, что это просто – некий образ, некое преувеличение, некий гротеск, которого нет и быть не может. Ведь если все происходит именно так, как я описал, то где тогда рай и ад? А нет их – ни того и ни другого. Но слушай дальше! Хочешь, верь, а хочешь – не верь, но наши потерянные энергии можно вернуть. Вернуть обыкновенными дыхательными упражнениями, точнее, необыкновенными.

– И что? – Маша зябко поежилась, и Кирилл, как истый джентльмен, тут же предложил ей свою куртку (специально захватил с собой на подобный случай). – Что происходит после возвращения энергии? Мы становимся моложе, сильнее, умнее – или как?

– Вопрос резонный. – Кирилл серьезно кивнул и вдруг подумал, что сейчас он похож на какого-нибудь среднестатистического преподавателя Факультета – да вот хотя бы на Николаева, что на первом курсе читал им «Введение в специальность». Похож, потому что уж больно серьезен. – И я не погрешу против истины, если скажу, что с возвратом потерянных энергий мы получаем всё: и молодость, и силу, и ум. А еще – настроение, дополнительные способности, о которых раньше и не догадывались, удачу, любовь, уважение окружающих и т. д.

– Так уж и всё? – Маша скептически взглянула на Кирилла. – Ты прямо сейчас какую-то сказку рассказываешь! По-твоему, пересмотр – это некая волшебная таблетка: от всех болезней – всех полезней! А деньги с помощью пересмотра зарабатывать можно? Вот бы было прикольно, если так. Сразу олигархи всех мастей набежали бы и стали требовать поделиться секретом пересмотра.

– Зря смеешься. – Кирилл постарался остаться спокойным и доброжелательным, хотя явное недоверие Маши было ему неприятно. Но он, конечно, понимает: прежде чем чему-то поверить или что-то узнать, человек должен сильно потрудиться и избавиться от своего скепсиса. – Впрочем, твоя реакция понятна – как и любого другого, кто сталкивается с чудом. А пересмотр – это овеществленное чудо, которое – в отличие от книжного волшебства – нам доступно.

– Хорошо, хорошо! – Маша примирительно подняла руки. – Я не стану с тобой спорить, поскольку побаиваюсь, если честно. Вдруг заколдуешь! И, кстати, скажи мне правду – что ты сделал с Адольфом на вечеринке? (Маша имела в виду ту памятную вечеринку у нее дома,

когда Кирилл натравил на Адольфа *сущностей*, и те чуть не отправили того надолго на больницу койку).

– Да ничего я не делал! – Кирилл подавил рвущийся наружу ироничный смешок. – Если ты помнишь, вы там занимались призывом духов, они пришли и решили, что Адольф – лакомый кусочек. Ну и взяли его в оборот. И, кстати, если бы меня рядом не было, они бы его обглодали до самых косточек. Так что при случае передай ему, что он мне должен.

– Обязательно передам! – Маша пристально посмотрела в глаза Кирилла, пытаясь понять, шутит тот или нет, но ответа так не получила. – Только он пропал – не объявляется, не звонит. Вероятно, восстанавливается после атаки духов. Но меня больше интересует вот какой вопрос – мы уже сто раз пытались вызвать потусторонние силы, да все без толку. И тут появляешься ты – и нате! Тут же духи лезут из всех щелей и атакуют не кого-нибудь, а именно Адольфа, с которым у тебя была стычка. Как говорит один известный политический телеведущий: «Совпадение? Нет, не думаю!»

– О, да ты и в политике разбираешься? – Кирилл поднялся. Он почувствовал, что пришло время идти обратно к Машиному «Мерседесу», и не собирался возражать своим ощущениям. – Нечасто встретишь девушек, которым интересна политика!

– А мне приходится интересоваться. – Маша скривила губки. – Поневоле – потому что папа с ней плотно связан. Скукота, конечно, страшная, но что делать! Ну, что – пошли?

Маша взяла Кирилла под локоть, и они неспешно двинули обратно. А по дороге тема разговора как-то неожиданно переметнулась на чудеса и сказки и в итоге сфокусировалась на Гарри Поттере.

– А тебе Гарри Поттер нравится? – Маша немного смущенно посмотрела на Кирилла, и он ее понял. Тема-то реально детская, и, вроде, от такой девушки ожидать подобного поворота в разговоре очень странно.

Сам Кирилл, конечно, давно уже прочитал все тома саги, и имел о ней – о саге – свое мнение. А именно: изначально детская литература, которая потом – после подключения крутых денег – стала общемировым бестселлером и почти на десять лет захватила умы и детей, и взрослых.

– Да так! – он пожал плечами. – В качестве развлечения когда-то читал, но, конечно, ничего из того, что написано в «Гарри Поттере» в принципе не может произойти. И волшебных палочек не существует. Или ты сомневаешься?

– Да перестань ты! – Маша резко остановилась. – Я что, похожа на глупую блондинку? С другой стороны, ты же не будешь отрицать, что *предметы силы* существуют на самом деле!

– Не буду! – Кирилл оценил реакцию Маши: чтобы сгладить возникшую между ними неловкость, он должен максимально ей поддакивать. – И да, некоторые из них, наверное, можно даже назвать своего рода волшебными палочками! Вот, например...

Глава вторая. События

Главное здание МГТУ стояло незыблемо – как, впрочем, и все последние 187 лет (хотя, конечно, возраст нынешнего ГЗ был значительно меньше). Кирилл шел по длинному коридору второго этажа и с интересом фиксировал изменения, которые произошли внутри корпуса.

Вот – повесили новый портрет академика (из современных), вот – сделали фотовитрину, рассказывающую о достижениях Университета (в июне ее еще не было), здесь подкрасили, там подремонтировали. Короче, прославленный ВУЗ готов к принятию и новой партии студентов, и уже старожилов, которые только к шестому курсу начнут реально понимать, насколько классно и здорово здесь учиться. Но тогда уже будет почти поздно, и им останется только сожалеть, что беззаботные студенческие денечки заканчиваются.

Хотя беззаботные – это для кого как. Например, Кирилл совсем не считал, что его студенческие годы – беззаботны. Конечно, он уже привык к нагрузке – насколько к ней можно привыкнуть – но от этого она не становилась меньше. Радовало одно – первые два самых тяжелых года позади (так сказать, «курс молодого бойца»), в пятом семестре пойдут предметы, непосредственно связанные с кафедрой РЛ-2, а там преподаватели более лояльны к своим студентам, нежели на общеобразовательных кафедрах.

– Привет! – Кирилл нос к носу столкнулся с Мамонтом (старостой группы). – Как дела?

– Да ничего! – Кирилл пожал протянутую руку старосты. – Вот, решил прийти – посмотреть, как здесь и чего. Может, расписание уже есть?

– Да, возле деканата висит. – Мамонт утвердительно кивнул головой. – В этом году у нас много вечерних занятий – лабораторные, семинары, практика. Но я считаю, так даже лучше – с утра можно выспаться нормально, а потом – со свежей головой грызть гранит науки. Ну, давай, пока. Позже увидимся!

«Грызть гранит науки. – Кирилл нервно передернул плечами. – И откуда у него столько казенного пафоса? Не иначе, готовит себя к роли бюрократа», – он поспешил к деканату, заранее прикидывая, каким образом совместить вечерние занятия по инженерной специальности и занятия на Факультете. По предыдущему опыту выходило, что это вряд ли удастся, и Кириллу придется-таки проходить практики и делать лабораторные с чужими группами. А об этом стоило позаботиться заранее.

К его радости Валентина Алексеевна (замдекана) была на месте и не сильно занята. Пользуясь близким с ней знакомством, Кирилл изложил замдекана свои соображения и попросил помощи в формировании его персонального расписания:

– А то получается, что я вынужден буду много пропускать, а мне бы этого совсем не хотелось. И как потом еще преподавателям объяснять причины прогулов? И ведь хвосты обязательно появятся.

– Не устаю тебе удивляться. – Валентина Алексеевна зазвала Кирилла в служебную комнату, отделенную от непосредственно деканата, и предложила попить чаю. – По-моему, из всех студентов ты один такой ответственный, ну, может быть, еще и твой староста. Тот даже чересчур – постоянно изводит меня различными вопросами и изображает бурную деятельность. Но учится хорошо – факт. Наверное, мы даже рекомендуем его в ФСБ – после института. А что, в армии он отслужил, рвения в нем полно, почему нет? Только чур! – Валентина Алексеевна заговорщически посмотрела на Кирилла. – Я тебе ничего не говорила и вообще – чаю с тобой никогда не пивала. Согласен?

Кирилл и не возражал. Валентина Алексеевна была права: нечего выпячивать близкое знакомство – чтобы лишний раз пальцем не тыкали. Достаточно и того, что Кирилл им пользуется и сам не отказывается отвечать на расспросы замдекана.

– Как отдыхалось? – Валентина Алексеевна разлила кипяток по кружечкам и кивком головы указала Кириллу на пачку печенья. – Ходят слухи, что на вашем Факультете летом не очень-то и расслабишься, и каждый студент прикреплен к какой-то определенной силовой структуре. И вы работаете даже летом. Каждый день. Так?

– Нет, не то чтобы каждый день, но я вот, например, раза два-три в неделю езжу в контору. – Кирилл выразительно посмотрел на замдекана. Она, конечно, должна понять, что он не имеет права говорить больше.

– Два-три раза в неделю на летних каникулах – это довольно плотный график. – Валентина Алексеевна улыбнулась. – Раньше, при Советском Союзе, такая занятость определялась «На полставки» или «Неполный рабочий день». В принципе, и сейчас – то же самое, но с оговорками. А деньги-то вам платят?

– Ну..., – Кирилл замялся, и Валентина Алексеевна замахала на него руками:

– Нет! Лучше ничего вообще не говори, а то потом, не дай бог, обвинят меня в выпытывании государственной тайны. А мне это совсем не надо. А вот лучше скажи мне – война-то в Сирии будет? Между нами и американцами? Уж больно там события круто развиваются. Я что-то в последнее время стала прямо переживать!

– Сейчас. – Кирилл поставил чашку с чаем на стол и быстро (привычно) вошел в состояние свободного сознания. Почувствовал отрешенность и попросил пространство дать ему ответ – тот, что пространство сочтет нужным. И тут же получил его.

– Всякое может случиться. И, конечно, вероятность (опасность) обмена ударами существует. И она значительная. И наш Генштаб, я уверен, эту опасность осознает и прорабатывает планы на случай такого развития событий. Ведь кроме злой воли (или доброй воли) сторон существует элемент непредвиденности, и его тоже нельзя игнорировать. Но в любом случае, ситуация, похоже, скатывается к открытому противостоянию, когда все маски будут сброшены, и конкретные враги обозначены. Пока скатывается, а там посмотрим. Многое зависит от предстоящих выборов в США.

– Господи! – Валентина Алексеевна побледнела. – Все мое детство прошло под давлением вечной готовности к Третьей мировой войне. И вот опять! Ты, может, не слышал, но Горбачев затеял Перестройку в СССР в том числе и с целью «разрядки». Это такой уже почти забытый термин, который означает сокращение вооружений. А Перестройка, как известно, закончилась развалом великой страны. И вот опять – опять Холодная война, опять готовность нажать на кнопки. Печально это все!..

* * *

На следующее утро (1 сентября 2016 года) Кирилл прибыл в Университет, как штык, к началу первой пары и убедился, что половины его одногруппников нет. Кто-то еще не вернулся с каникул, кто-то проспал, а кто-то просто захотел на пару дней продлить отдых. Но на Факультете, конечно, все было по-другому – весь состав третьего курса был уже на месте, и Кирилл въехал в общежитие последним.

К нему тут же нагрянули Наталья и Сирена, но времени поболтать у друзей не оказалось: нужно было спешить на занятия. Но зато Кирилл успел узнать, что в расписании в этом году произошли значительные изменения по сравнению с прошлым годом. И Толкачев даже особо подчеркивал, что программу обучения страшно перекроили, и третьекурсники пойдут по новой экспериментальной программе (в нее вошли новые экспериментальные предметы).

– Как интересно! – Кирилл мельком взглянул на расписание занятий, которое подсунула ему Наталья (она тщательно записала его в блокнот), и даже присвистнул. – И что означает вот эта аббревиатура? И вот эта?

Само расписание выглядело так:

Понедельник 14-30 – 19-05

ТРМ Лекция	14-30 – 15-55
ТРМ Семинар	16-05 – 17-30
КРС Семинар	17-40 – 19-05

Вторник 14-30 – 19-05

ИП Лекция	14-30 – 15-55
КРС Семинар	16-05 – 17-30
ФЗ (71С7)	17-40 – 19-05

Среда 14-30 – 19-05

МЦ Общая	14-30 – 15-55
МЦ Индивидуальная	16-05 – 17-30
КРС Семинар	17-40 – 19-05

Четверг 14-30 – 19-05

КРС Семинар	14-30 – 15-55
ТРМ Лекция	16-05 – 17-30
ФЗ (71С7)	17-40 – 19-05

Пятница 14-30 – 19-05

МЦ Индивидуальная	14-30 – 15-55
КРС Семинар	16-05 – 17-30
ФЗ (71С7)	17-40 – 19-05

Суббота 14-30 – 19-05

КРС Семинар	14-30 – 15-55
ИП Семинар	16-05 – 17-30
ФЗ (71С7)	17-40 – 19-05

А Кирилл имел в виду «КРС» и «МЦ».

– КРС – «Культы разных стран». МЦ – медитация! – Наталья громко засмеялась. – И обрати внимание, КРС у нас каждый день, и каждый день именно семинары. Т. е. практические занятия. Как ты думаешь, к чему это?

– Без понятия! – Кирилл хмыкнул. – Смею только предположить, что политическая обстановка в мире такова, что России срочно требуются профессионалы, способные разо-

браться в многочисленных сортах и подвидах колдовства, которым тамошние колдуны атакуют наших дипломатов и государственных чиновников. Как тебе такое предположение?

– Ну, ты и задвинул. – Наталья скептически поджала губы, а потом опять рассмеялась. – Сразу видно, что ты мальчик, а мальчики все помешаны на политике. И еще на девочках. Кстати, о девочках. Ходят слухи, что у тебя на стороне появилась некая крутая дама. – Наталья подмигнула Кириллу и состроила ему смешную рожицу. – Если слухи правдивы, то я буду ревновать! И Сирена тоже.

– После, после! И всё тебе расскажи. Прямо никакой личной жизни, одни коварные сплетни за спиной...

* * *

– Здравствуйте, здравствуйте. Приятно снова вас видеть, и видеть отдохнувшими, загорелыми и расслабленными! – в кабинет, широко и энергично шагая, вошла ИВА, волоча объемистую спортивную сумку. – Олейников, ну-ка помоги мне поставить это хозяйство на стол.

Вадим быстро сорвался с места – его скорости мог позавидовать сам Усейн Болт, выпрыгивающий из стартовых колодок.

«Вот прогибается!», – неприязненно подумал Кирилл. Пока что они не перемолвились с Вадимом и словом, и, судя по всему, и не собирались (оба не собирались) предпринимать хоть какие-нибудь шаги к сближению. Лично Кирилла такое положение вещей весьма устраивало, и он не испытывал по этому поводу особых душевных переживаний. Но оставаться отстраненным всё же до конца не получалось.

– Спасибо! – ИВА открыла сумку и вынула оттуда несколько увесистых книг. – Как я и обещала, третий курс у нас с вами будет проходить под флагом священных текстов. И даже если я вам этого не обещала и говорила что-то другое, сейчас это неважно. Священные книги – вот они, и концу этого учебного года вы будете знать их наизусть. И разбираться во всем, что с ними связано. Это я вам гарантирую.

У ИВЫ явно сегодня было отличное настроение, и она позволяла себя шутить и иронизировать. Хотя, конечно, Кирилл и все остальные присутствующие прекрасно знали, что скрывается за иронией и шутками Ивановской. Железный нордический характер и самодисциплина (и стальная хватка, и требовательность), которыми Анастасия Владиславовна добивалась от своих студентов исключительных знаний.

– Итак, что мы имеем? – ИВА постучала пальцем по стопке книг. – А имеем мы для начала Библию, Коран, Типитаку, Танах и Веды. Ничего особенного, и ничего, что могло бы вызвать у вас приступ интереса. Все пять книг мы изучали прежде, но в этом году мы зароемся вглубь, установим множественные скрытые и явные связи между этими книгами, проведем тщательные анализы священных текстов, а потом – в противоположность анализу – займемся синтезом. Почти как в математике, только гораздо увлекательней и живее.

«Ага, увлекательнее! – под ложечкой Кирилла засосало. Он подавил рвущийся наружу стон. – Судя по такому бурному началу, материала в этом году будет выше крыши».

– Возьмите, пожалуйста, ручки и откройте первую страницу ваших тетрадей! – ИВА заложила руки за спину и стала напоминать серьезную цаплю, прицеливающуюся клювом в лягушку. – И начнем мы с индуизма. Почему именно с индуизма, надеюсь, объяснять не нужно? Не забыли еще, что индуизм – самая древняя из существующих основных религий?

ИВА презрительно фыркнула, и Кирилл даже почувствовал легкий озноб, представив, что кто-то вдруг решился бы спросить Ивановскую: «Почему?». Наверняка, уже на следующий день его бы попросили с Факультета на выход – как лицо, на содержание которого государство бестолково тратит деньги (при необходимости экономить каждый рубль). А потому что шутки с Ивановской (несмотря на ее показной игривый тон) – дело очень опасное.

– Итак. Вот Веды. Написаны, как вы знаете, на санскрите, а санскрит, как опять же вы знаете, это древний литературный язык Индии, отличающийся сложнейшей синтетической – еще раз подчеркиваю – синтетической грамматикой. И – поскольку времени у нас предостаточно, и вы должны получить от меня исчерпывающие знания – я скажу о нем пару слов.

Первые санскритические тексты относятся примерно к середине второго тысячелетия до нашей эры, и они очень интересны для изучения. Кстати, для справки: профи, способных читать тексты на древнем санскрите и одновременно не являющихся индийцами, – во всем мире можно по пальцам пересчитать. И на нашем факультете есть такой специалист. Это я.

Но продолжу. Санскрит – не язык какого-нибудь определенного народа, проживающего в то время на территории Индии, но язык элиты. Язык конкретной культуры, которая представлена, главным образом, индуистскими религиозными текстами. Аналогично греческому языку и латыни для Запада, санскрит на Востоке в течение долгих веков служил языком межкультурного общения элитариев, ученых и религиозных деятелей. В настоящее время этот язык является одним из двадцати двух официальных языков Индии. Грамматика санскрита чрезвычайно сложна и архаична, считается, что санскрит является одним из самых флективных языков мира. Кто знает, что такое флективный язык?

ИВА вопросительно посмотрела на аудиторию и улыбнулась:

– Ну, сложно ожидать от вас исчерпывающих филологических знаний, поэтому объясню. Флективный строй (слово происходит от латинского «гибкий») – устройство языка синтетического типа, при котором доминирует словоизменение при помощи флексий – формантов, сочетающих сразу несколько значений. Флективный строй противоположен агглютинативному, в котором каждый формант несёт только одно значение. Это так, для общего развития – чтобы знали.

Единой системы письменности для древнего санскрита не существует. Это объясняется тем, что литературные произведения передавались в основном устно. Когда же возникала необходимость записать текст, обычно использовался алфавит, распространенный в данной конкретной местности.

– А теперь представьте – вам в руки попал манускрипт, написанный на санскрите с помощью письменности, умершей лет так семьсот назад. Как вы будете сей манускрипт расшифровывать? Какие материалы использовать? – ИВА остановилась напротив Кирилла, заглянула к нему в тетрадь и покивала головой. – Здесь нужны специальные, особые научные знания, и никакое *видение* не поможет! И профессионалы – большие ученые – такими знаниями обладают.

Что еще нужно вам знать о санскрите? У современного санскрита, в отличие от древнего, конечно, есть свой письменный язык. Он называется *деванагари*, и он утвердился в конце девятнадцатого века благодаря европейцам. Так что европейцы в Индии не только убивали и грабили, но и делали что-то полезное. Ну, а теперь, собственно переходим к Ведам.

Веды – сборник самых древних священных писаний индуизма на санскрите. Веды относятся к категории «услышанное», и ведические мантры, содержащиеся в них, повторяются как молитвы и используются в различных религиозных ритуалах. Основной частью Вед являются *самхиты* – сборники мантр, к которым примыкают *брахманы*, *араньяки* и *упанишады* – тексты, являющиеся комментариями к ведийским *самхитам*.

На протяжении многих веков Веды передавались устно в стихотворной форме и только гораздо позднее были записаны. Индуистская религиозная традиция считает Веды *апаурушея* – несотворёнными человеком, вечными богооткровенными писаниями, которые были даны человечеству через святых мудрецов.

Существует четыре Веды:

Ригведа – *Веда гимнов*,

Яджурведа – *Веда жертвенных формул*,

Самаведа – *Веда песнопений*,
Атхарваведа – *Веда заклинаний*.

Согласно современной индологической науке, Веды составлялись в течение периода, который продолжался около тысячи лет. Искомый период начался с составления *Ригведы* примерно в шестнадцатом веке до нашей эры, достиг своего апогея созданием различных ведических текстов в Северной Индии в девятом – восьмом веках до нашей эры и завершился во времена Будды в пятом веке до нашей эры.

Большинство учёных сходятся в том, что до того, как Веды были записаны, в течение многих веков существовала устная традиция их передачи. Из-за недолговечности материала, на котором записывались Веды (для этого использовалась древесная кора или пальмовые листья), возраст дошедших до нас ведических манускриптов не превышает нескольких сотен лет. Древнейшие манускрипты *Ригведы* датируются одиннадцатым веком нашей эры, что, конечно, для ученых – сильнейшее разочарование...

* * *

Кирилл пребывал в меланхолическом настроении. В этом году осень выдалась особенно дождливой и серой, и хоть из общежития Факультета улица и сопутствующий ей постоянный дождь были не видны, общая осенняя депрессия влияла и на Кирилла. И еще – хотелось спать.

– Позвонить что ли Маше? – Кирилл перевернулся с боку на бок (он возлежал на кровати и тупо пялился в конспект лекций, пытаясь понять, что же в нем написано). – Как она отреагирует на то, чтобы вечером в субботу пойти в кино? Типа: «Приглашаю тебе на сеанс «Техасской резни бензопилой». Но ты не бойся, сам фильм мы смотреть не будем. Мы сядем на последний ряд и начнем громко целоваться!»

Желание увидеть Машу было довольно сильным. С их последнего свидания (или как лучше называть их встречи?) прошло уже три недели, и Кирилл чувствовал, что девушка ждет его звонка. Сомнения о правдивости его чувств, конечно, присутствовали, но были не слишком велики.

– Хорошо! В пятницу вечером обязательно позвоню! – Кирилл решительно дернул головой. Сразу полегчало, и настроение рвануло вверх – что свидетельствовало о правильности принятого решения. – И надеюсь, что папа-олигарх не даст мне по шее за излишнее внимание к его дочери.

Кирилл встал с кровати и побрел пить чай. Половина двенадцатого ночи, про ужин уже все забыли, и пара пряников для подзарядки мозгов совсем не помешают. Он кинул конспект на стол и включил чайник. Внезапно в дверь негромко постучали, и Кирилл даже сразу и не понял, что это за звук. А когда понял, очень удивился: он никого не ждет.

Нежданной ночной гостьей оказалась Сирена. Кирилл, немного смутившись, пропустил ее внутрь (Сирена же в свою очередь чувствовала себя очень раскованно).

– Привет! А вот и я! – на Сирене был надет короткий откровенный халатик. Она прошла на кухню и села на табурет, закинув ногу за ногу. Кирилл мысленно взвыл: Сирена – искушение во всей красе, противиться которому вряд ли кто способен!

Девушка посмотрела на Кирилла и призывно улыбнулась:

– Вот, пришла пожелать тебе спокойной ночи. А заодно и погреться. У меня так холодно, и, кажется, даже откуда-то дует. Хотя откуда может дуть – наши ведь блоки находятся в самом чреве огромного и пустого бетонного здания. Кстати, как тебе слово «чрево»? Правда, оно очень романтично и даже эротично?

– Угу! – Кирилл судорожно сглотнул слюну. Сирена со своими способностями покорять мужчин (делать их рабами) мгновенно распылила его силу воли, размолотила ее в труху. Кириллу бешено хотелось встать перед ней на колени и покрыть ее поцелуями всю – с ног до

головы. И магии в этом желании было столько, что хоть ведрами черпай, хоть строительными носилками выноси! – Эротично – не то слово. Я полностью с тобой согласен!

– Хорошо. – Сирена ласково погладила Кирилла по руке. – Тогда пойдем? Я уже готова! Обогреешь меня?..

Сирена ушла только утром, а Кирилл побежал в ГЗ слушать лекции. Он крыл себя последними словами, пытаясь таким образом заглушить муки совести. Они – муки – были явственно различимы и заявляли примерное следующее: «Как же так можно? Одновременно думать и готовиться к встрече с одной девушкой и ложиться в постель с другой?»

– Именно, что можно! – оппонируя самому себе, Кирилл пронесся по длинному коридору и чуть не сшиб молодого преподавателя кафедры РЛ-2, выскочившего навстречу из-за поворота. – Ой, извините! – на ходу бросил Кирилл и влетел в аудиторию, где лектор уже раскладывал материалы на столе.

Кирилл занял свое излюбленное место – на самом заднем ряду амфитеатра и, окинув взглядом зал, с удивлением обнаружил неподалеку сладкую парочку – Селивана и Урмана. Кирилл даже приоткрыл рот, намереваясь присвистнуть и тем самым выразить свое восхищение героическим поступком одноклассников – заставить «сладкую парочку» на утренней лекции было практически невозможно – но сдержался. Он еще успеет с ними поболтать и выяснить, что это за чудо привело их с утра пораньше на занятия.

– Начнем, пожалуй. – Лектор взглянул на часы и громко кхе-кхекнул. – И начнем с переключки – кто присутствует, а кто отсутствует. Повторяю еще раз, и передайте тем, кто отсутствует – два, а тем более три пропуска моих лекций означает лишь то, что зачет в этом семестре и экзамен в следующем семестре они будут сдавать по многу-многу раз, и совсем не факт, что сдадут вообще. Прогульщики – вне зависимости от причины прогула – не должны учиться в нашем прославленном ВУЗе. Итак, я диктую фамилии, а вы поднимайте руки...

* * *

– Вот старый хрен! – Урман выпустил струю едкого дыма в воздух и посмотрел на свои желтые пальцы. Зубами куснул заусенец и оторвал его. – Что скажешь, кукуруза, правда, подонки?

– Угу. – Селиван в ответ скроил глумливую рожу и повернулся к Кириллу. – А вот Кирюха так не считает, он любит учиться. Он у нас ботан. И обожает преподавателей, которые заставляют честных студентов вставать ни свет, ни заря, чтобы послушать их уродские лекции. Так, Кирюха?

– Вот именно. – Кирилл стоял рядом с Селиваном и Урманом в «сачке» и пил «Пепси». Он давно не видел «сладкую парочку» – считай, с конца второго курса – и поэтому был не против поболтать. – Уважать преподавателей – это не грех. Особенно в вашем случае – может, хоть чему-то научитесь, кроме как заглядываться на крутых девчонок.

– Заглядываться мы можем. – Селиван вытащил вторую сигарету, поджег и затянулся. – Еще бы иметь денег немеряно, чтобы они обращали на нас внимание. Да, кукуруза?

– Угу, кукуруза! – Урман посмотрел на своего товарища и тоже решил, что одной сигареты ему мало. – Дай-ка в зубы, чтоб дым пошел! – он протянул руку Селивану, но тот сделал вид, что ничего не слышит и не видит.

– Вот ты урод, кукуруза! – Урман совсем не обиделся, но только громко заржал, и Кирилл даже поморщился – действительно, слишком громко. – Уйду я от тебя, гамадрила. Как есть, уйду!

– Кирилл! – сзади кто-то окликнул Кирилла, и все трое приятелей оглянулись. Селиван с Урманом застыли в удивлении, а Кирилл испытал острое чувство неловкости – рядом стояла Маша и улыбалась ему. После ночного приключения с Сиреной прошло всего-то несколько

часов, и уколы совести лишь чуть-чуть ослабили напор – но не настолько, чтобы воспринимать все произошедшее спокойно. И хотя с Сиреной у Кирилла было не впервые, но ведь сейчас он строит (строил) какие-то планы и на Машу – а это совсем другое дело.

– Кирилл! – повторила Маша. – Можно тебя! Вы позволите? – она окинула надменным взглядом «братьев-гамадрилов», отвернулась и медленно пошла по выложенной плиткой дорожке, всем своим видом намекая: «Догоняй!» И Кирилл, конечно, пошел за ней, провожаемый завистливо-раздраженно-непонимающими взглядами приятелей.

– А я все ждала, когда ты позвонишь! – они сели на уединенную лавку, и Маша надула губки. – Между прочим, я девушка и не могу звонить первой. Хотя иногда могу, но в этот раз я ждала, когда ты позвонишь.

Кирилл мысленно вздохнул, отстраняясь (но с виду оставаясь приветливо-спокойным): Маше явно хотелось выяснения отношений, поэтому он должен быть очень-очень осторожным.

– Я собирался, честно. – Кирилл вынул из кармана жевательную резинку и предложил Маше. Та отказалась. – Хотел пригласить тебя в эту субботу в кино пойти. Вот – даже афишу сеансов изучил. – Кирилл демонстративно полез в сумку, словно собираясь предъявить Маше афишу.

– Точно? – Маша подозрительно посмотрела на Кирилла. – А почему так долго тянул со звонком?

– Ну, не знаю. – Кирилл постарался придать лицу расстроенный вид. Он решил, что расстроенный вид – это сейчас то, что нужно. – Я сомневался, имею ли право. Все-таки ты – девушка особенная, не каждый может вот так спокойно взять и позвонить!

– Я – особенная, это верно! – кажется, Машу отпустило, и она решила сменить гнев на милость. И даже улыбнулась. – Но, вроде, летом ты так не стеснялся, как сейчас? Или я что-то путаю?

Кирилл в ответ промолчал. Настроение у него вдруг испортилось – и одновременно очень сильно захотелось наговорить Маше чего-нибудь эмоционального. Но он сдержался, понимая, что так будет намного, намного лучше.

– Ну, ладно! – Маша почти ласково взглянула на него. – Я тебя прощаю и предлагаю немедленно определиться с выбором фильма, на который мы пойдем. Надеюсь, названия еще не забыл...

Глава третья. Внезапно все поменялось

К сожалению, в кино они не попали. В пятницу вечером Кириллу (он только вошел в дверь своей московской квартиры, и мама тут же бросилась на кухню разогревать ужин) позвонил Щербень и приказал срочно явиться к нему завтра и захватить вещи – для двухнедельной командировки.

– Как это, две недели? – Кириллу сначала показалось, что он ослышался. – А как же моя учеба?

– С учебой уже все согласовано! – безапелляционно заявил Павел Иванович. – И с той, и с другой. И без разговорчиков. Не забывай, что говоришь с генералом. Завтра жду тебя в восемь в моем кабинете.

Как только Кирилл сообщил об этой новости маме, что тут началось! Мама сначала покраснела, затем побледнела, затем позеленела от злости, а далее обвинила Щербеня сразу во всех грехах – а вместе с ним и всё Российское государство в целом. Дескать: «Что это еще за средневековая привычка распоряжаться чужими детьми, как своими рабами! Да я прямо сейчас накатаю жалобу, кому надо, и разнесу всю эту лавочку в пух и прах!» И так далее.

На шум вышел папа (мирно дремавший на диване в гостиной) и, узнав, в чем суть вопроса, застыл в нерешительности – соображая, кого поддержать: маму (она заявляла, что никуда Кирилла не отпустит, а всякие генералы могут идти лесом) или Кирилла, который, стиснув зубы, укладывал в сумку бритвенные принадлежности и дежурное полотенце.

– Ладно, мать. Пустое. – Наконец папа провозгласил свой вердикт. – Твой сын уже взрослый, ему жить самому, ему строить карьеру. Пусть едет с богом!

– Как это – пусть едет? – взорвалась мама. – Он же с вещами. На две недели! А если его на войну отправят? В Сирию, например? Мы же совсем не знаем, чем он там занимается в своем учреждении! Чему его там учат. А вдруг он у нас, например, секретный сапёр или что-то типа того?

– Да брось ты! – папа вслед за мамой перешел на крик. – Ну, какой из Кирилла сапер? Скажешь тоже! И вообще – зачем ты страсти распаляешь? Можно подумать, никто из нас не бывал в командировках? Я вот, к примеру, чуть ли не каждый месяц езжу.

– Вот именно! – мама воткнула руки в боки и яростно выкатила глаза. – Вот именно, что каждый месяц. И чем ты там таким важным занимаешься, в своих командировках? А, может, у тебя баба на стороне завелась, к которой ты периодически прикомандировываешься?..

Кириллу надоело слушать перепалку родителей, и он счел за благо ретироваться к себе. Пускай предки лаются друг с другом, а он будет собираться. Но для начала неплохо бы понять, а о чем, собственно, идет речь? С чем связана такая спешка и такая срочность? Кирилл набрал номер Толкачева:

– Алло, это Раевский! Георгий Сергеевич, Вы уже знаете, что меня командируют?

– Знаю. Еще как знаю. И все знают. И про тебя и про то, что командируют не только тебя, но весь ваш курс. И еще – четвертый, пятый, шестой! – в голосе Толкачева звучало сильнейшее раздражение вкупе с нескрываемым беспокойством. – И не спрашивай меня, в чем причина. У меня нет информации. Так что действуй согласно полученным инструкциям, Факультет будет ждать твоего возвращения. Удачи!

Толкачев отключился, а Кирилл еще некоторое время молча смотрел на зажатый в руке телефон. Похоже, дело очень серьезное...

* * *

Ровно в восемь утра Кирилл вошел в кабинет Щербеня и обнаружил, что тот не один – в кресле, закинув ногу на ногу, сидел сурового вида дядька с изрезанным морщинами лицом. Кирилл поздоровался, немного подумал и тоже сел в кресло – на правах своего.

– Ага, вот и ты. Отлично! – Щербень оторвался от монитора. – Времени у нас в обрез, так что слушай. Этого человека, – он кивнул на дядьку, – зовут Потап Филиппович, и на весь срок командировки ты переходишь под его начало. Уяснил?

– Да. – Кирилл заранее дал себе установку ничему не удивляться и ни о чем особо не думать и поэтому воспринял слова Щербеня почти равнодушно.

– Ну, вот и славно. – Щербень поднялся. – Тогда не будем терять времени. – Он пожал напоследок руки Потапу Филипповичу и Кириллу и проводил их до двери. – Как только освободишься, сразу позвони! – это уже было обращено только к Кириллу.

– Значит, вот так ты выглядишь! – Потап Филиппович внимательно разглядывал Кирилла, пока они спускались на лифте вниз. – Честно говоря, мне тут Павел Иванович такое про тебя рассказывал, что я уж было подумал, что у тебя голова – минимум, размером с баскетбольный мяч. Всё, шучу, шучу! – Потап Филиппович улыбнулся, наблюдая за реакцией Кирилла. – Ты же понимаешь, у специальных служб и юмор специальный, к нему еще нужно привыкнуть.

Они вышли во внутренний двор МИДовской высотки и загрузились в неприметный «Фольксваген» – машина тронулась с места и, выехав за ворота, влилась в общий транспортный поток. Всю дорогу они молчали – и Потап Филиппович даже специально сделал знак Кириллу, чтобы тот держал рот на замке.

Кирилл заинтересованно смотрел в окно – вроде бы, они двигались на восток в сторону МКАД. Он не мог точно сказать, поскольку собственной машины у него не было, и в московских развязках, проспектах и улицах он ориентировался слабо. Путешествие затягивалось – движение в городе было очень плотным, и машина постоянно зависала то в одной пробке, то тут же в другой.

Но вот и МКАД – «Фольксваген» пересек кольцевую и углубился в область. Кирилл вопросительно посмотрел на Потапа Филипповича, дескать: «Куда все-таки мы едем, и долго ли еще?», но ответа не получил.

«Ладно, в такие игры я играть умею!», – Кирилл несколько напрягся, но быстро взял себя в руки и решил, что уж он-то может проявить терпение там, где нужно. Кирилл перенес внимание на дыхание, постепенно запуская пересмотр, и вскоре почти совсем забыл о том, что он куда-то едет, а собеседники рядом таинственно молчат. Пересмотр – слишком увлекательная штука, он вещь в себе, и дополнительные слова и эмоции ему не нужны.

Автомобильная поездка продолжалась, и вскоре Потап Филиппович прервал молчание и попросил водителя припарковаться возле какой-нибудь заправки или придорожного магазинчика – проветриться. Они вышли из машины, и Кирилл с удовольствием размял затекшие от долгого сидения мышцы. Говорить со своими попутчиками ему было не о чем, поэтому он просто подышал свежим воздухом и забрался обратно – намереваясь немного поспать. Но не успел.

Вскоре «Фольксваген» свернул на незаметную проселочную дорогу и, сбавив скорость, покатил меж сосенок и березок, тщательно объезжая выбоины и глубокие ямы, наполненные водой (объезжая, насколько это было возможно). А еще минут через двадцать он остановился у неприметного деревянного домика, одиноко стоящего прямо посреди леса, перед которым на лавочке сидел пожилой мужчина, по виду (борода, кустистые брови, взгляд исподлобья) – матёрый лесник.

«Фольксваген» мягко притормозил перед «лесником», тот лениво поднялся, обошел вокруг машины и заглянул внутрь, открыв дверь. Увидев Потапа Филипповича, «лесник» кивнул головой и махнул водителю – тот тронулся, и Кирилл чуть не проморгал момент, когда машина оказалась в подземном гараже. Переход от дневного природного света к электрическому был очень резким – у Кирилла даже возникло чувство, как будто они проваливаются под землю.

«Фольксваген» проехал еще метров сто пятьдесят и остановился.

– Выходим! – Потап Филиппович первым выбрался из машины. – Следуй за мной! – коротко бросил он Кириллу и, не оглядываясь, быстро двинулся вперед. Кирилл – за ним.

Они подошли к неширокой лестнице, ведущей вниз, и стали спускаться. Один этаж, два, три, пять, десять... На минус восемнадцатом этаже Потап Филиппович остановился, вынул из кармана какую-то электронную карточку и поднес ее к ровной стене – в определенном месте (каким образом он это место определил, Кирилл так и не понял). Стена с еле слышным шуршанием ушла в потолок, и взгляду Кирилла открылся длинный коридор – ярко освещенный и совершенно безлюдный.

Потап Филиппович хитро посмотрел на Кирилла и указал ему рукой, дескать: «Давай!» Кирилл покорно шагнул в коридор и тут же был остановлен своим сопровождающим:

– Подожди-ка секунду! Хочу тебе кое-что рассказать. Видишь, вдоль коридора идут двери? Это жилые блоки – они в данный момент заселяются. Один из этих блоков – твой. Но таблички, конечно, на нем нет. Сможешь определить, какой?

Услышав вопрос, Кирилл сначала подумал, что Потап Филиппович шутит. Но нет – тот смотрел на него очень серьезно и даже с вызовом.

– Постараюсь. – Кирилл внутренне усмехнулся: ну, по крайней мере Щербень его уже не проверяет, и то хлеб. А новый начальник? Наверное, он имеет право. – А что мне делать, когда я найду предназначенный мне блок?

– Заселяйся в него – да и все дела. – Потап Филиппович громко хмыкнул. – Толкни дверь, скажи: «Сим-сим, откройся!», она и откроется. А когда заселишься, активируй вот это, – он протянул Кириллу пластиковую карточку с чипом, – это – ключ от дверей. Активируется внутри блока путем прикладывания к специальному сенсору возле двери. Но сразу предупреждаю, активации не произойдет, если ты ошибешься блоком. А мы заодно и проверим, настолько ли хороши твои способности, как об этом рассказывает Павел Иванович!

Кирилл, не говоря ни слова, взял карточку, отошел от Потапа Филипповича на несколько метров и остановился. Ему нужно было как следует настроиться на пространство, сделать свободным сознание и почувствовать, как сверху на голову падает поток силы, чтобы правильно определить нужный жилой блок. Для него, как для *видящего*, эта процедура настройки была стандартной – другой разговор, что о ней никто здесь не знал.

Примерное через минуту Кирилл медленно двинулся по коридору, для начала решив определить, какие жилые блоки уже заняты, а какие пока нет. Он вынул из кармана небольшой блокнотик и ручку, быстро начертил схему расположения дверей и крестиком помечал те, за которыми он чувствовал наличие «гостевого» сознания (неважно, были в данный момент люди в комнатах или нет).

Он прошелся по коридору туда-сюда и выяснил, что занятых блоков – очень мало: только девять из сорока четырех. Следовательно, задача для Кирилла сильно усложнялась: уверенно определить один номер из тридцати пяти – та еще проблема!

«Вот ведь блин! – Кирилл закусил губу и украдкой глянул на Потапа Филипповича, который прислонился к стене и с отстраненным видом наблюдал за своим подопечным. – Наверняка, это лично он выдумал идиотскую шутку с размещением. И, кстати, может, именно этим обстоятельством и воспользоваться?»

Кирилл быстро прикинул: если Новый Начальник (НН – как он решил его называть) напрямую дал распоряжение забронировать определенный блок для Кирилла, значит, он знает и номер. И дело за малым – извлечь из головы НН нужные данные.

– Нелегко, это будет нелегко. – Кирилл нарочито отвернулся от Потапа Филипповича и тоже прислонился к стене. Пусть, если так нравится, изучает его спину (или даже то, что ниже), а Кириллу нужно установить с ним ментальный контакт. Вернее, с его разумом и памятью. И так, чтобы НН ничего не заподозрил. Хотя куда ему! Он же и понятия не имеет, какими энергиями Кирилл способен манипулировать.

Кирилл настроился на НН и сразу почувствовал удовлетворение. Вот она – планировка этажа с местами проживания гостей – была видна как на ладони. НН не прятал ее, а наоборот – постоянно держал, муслировал в пространстве внутреннего диалога, и это обстоятельство сильно облегчало Кириллу задачу.

– Хорошо! Хорошо! – Кирилл разделил схему на четыре квадрата. – Посмотрим, куда ты меня упаковал.

Видение давалось с трудом, но все же давалось. Спустя полторы минуты Кирилл узнал, что НН определил для него комнату в дальнем правом квадрате.

– Отдыхать! – Кирилл расслабился и перевел дух. Постоял несколько минут, приходя в себя и собираясь с силами. Он нечасто практиковал прямое чтение мыслей – особенно у кондовых «сапог», к коим принадлежал НН. Их сознание было таким зашоренным и таким «деревяннным», каким только может быть сознание старых кадровых военнослужащих.

– Ну, а теперь – заход номер два: номер комнаты, сестра! Мне нужен номер! – Кирилл почему-то вспомнил фильм «Д'Артаньян и три мушкетера» (а именно сцену, где надсмотрщик Фелтон пытал у Миледи ФИО ее мучителя) и почувствовал прилив вдохновения. Так иногда бывает, когда малозначительная деталь (или сторонний эмоциональный сдвиг) накладывается на собственное состояние и звучит в унисон, добавляя энергии.

Кирилл быстро вычеркнул комнаты из обозначенного квадрата, в которых уже кто-то проживал, и сосредоточился на оставшихся – одновременно «сверяя» их предназначение с мыслями и образами, мелькавшими в голове НН. «Сверяя» – именно в кавычках, потому что всё *видение* – это чистые кавычки, описать которые нормальным человеческим языком вряд ли возможно.

– Есть! Вот ведь сволочь! – Кирилл выругался свистящим шепотом, имея в виду НН. – И я хорош – мог бы сразу догадаться, что с военной точки зрения мне целесообразно и необходимо выделить блок в самом дальнем углу! Я ведь кто? Зеленый призывник, не нюхавший пороха, и поэтому должен бегать дальше и быстрее всех! – он подхватил сумку и уверенно двинулся по коридору: его цель – крайняя дверь справа.

Кирилл ввалился в блок и немедленно приложил электронную карту к мерцавшему красным светом окошечку активатора. Через секунду красный свет сменился зеленым, активатор прогудел человеческим голосом: «Ваша личность подтверждена, располагайтесь! Используйте карточку для блокировки и разблокировки дверей» и отключился.

– То-то же! – Кирилл не смог скрыть ликования и даже скрутил фигу и сунул ее «в нос» активатору – т. е. в сенсорный экран. И принялся распаковывать вещи. – А вот мне интересно, кормить меня здесь собираются? – он посмотрел на часы: половина третьего, и в животе громко урчит. – Или сейчас мне сообщат, что в условиях военного положения каждому посетителю санатория положены консервы и галеты? И еще – переносная керосинка, чтобы самому разогревать скудные обеды, завтраки и ужины?

Вдруг – словно в ответ на его мысли – сенсорный экран вновь засветился и выдал тираду: «Внимание! Время обеда! Всем спуститься на уровень «Б» и посетить столовую! Повторяю. Всем спуститься на уровень «Б» и посетить столовую!»

От неожиданности Кирилл вздрогнул, а потом громко рассмеялся. Армейский юмор уже начинал ему нравиться – а воспринимать происходящее как-то по-другому, кроме как с юмором, Кирилл не собирался.

– Ну, уровень «Б», так уровень «Б». – Он открыл наружную дверь и вышел в коридор. – Надеюсь, кто-нибудь проводит меня до этого уровня, и мне не придется бегать по подземелью и искать, где бы пожарить.

Кирилл зря волновался – как по команде (хотя, почему как?) коридор наполнился спешащими в столовую людьми. Большинство шло молча, а некоторые вполголоса переговаривались между собой. Кирилл примкнул к процессии и вскоре оказался около восьмерки больших лифтов (выяснилось, что у коридора имелся толстенный брат-аппендикс с лифтами), которые поочередно отвозили страждущих питания на уровень «Б». Т. е. на минус девятый этаж.

На минус девятом этаже оказалась огромная столовая с тремя раздаточными линиями, возле которых толпился народ, и множеством столов – за которыми соответственно принимали пищу. На момент появления в столовой Кирилла там было не менее пятисот человек, поэтому гул от голосов стоял довольно громкий, и всё время приходилось лавировать, чтобы кого-нибудь не задеть.

Кирилл занял очередь и принялся с интересом осматриваться. Общество вокруг было пестрым и смешанным: примерно половина – люди в погонах, от лейтенанта до генерал-полковника, еще процентов сорок – мужчины от двадцати трех – двадцати пяти лет и старше в гражданской одежде, и оставшаяся часть – женщины (почти все в военной форме и при званиях). Молодых юношей вроде себя Кирилл в поле зрения не обнаружил.

– Точно, секретное бомбоубежище Сталина! – буркнул он себе под нос и принялся нагружать поднос съестным. – А это лично мне не сулит легкой жизни, поскольку понятно, чего от меня потребуют.

Кирилл намеренно разговаривал сам с собой (но только слабым шепотом – лишь шевелением губ). Мысли постоянно соскальзывали на серьезность положения – следовательно, на родителей, подружек, друзей, бабушек-дедушек и других родственников. А то, что положение (политическое или уже военное) очень серьезно, не приходилось сомневаться: иначе за каким чертом он здесь оказался, за каким чертом весь Факультет сняли с занятий и разогнали кого куда?

Что же до разговора: перенос внимания вовне, отвлечение мысленного диалога от самого себя – отличный способ разгрузить сознание, оказаться «здесь и сейчас» и перестать накручивать разум на предмет возможных страхов и неприятностей.

Кирилл взял бифштекс с гарниром, борщ с мясом и сметаной, внушительных размеров творожный пирог, шоколадку и пару пончиков, а также большую кружку кофе. Подошел к кассе, вытаскивая кошелек, но был приятно удивлен: все было бесплатно – единственно только, требовалось отдать пластиковую ID-карту «кассиру» в форме капитана. Тот быстренько прикладывал ее к считывающему устройству, тут же звучал подтверждающий зуммер, и капитан возвращал карту владельцу. Привычно и безэмоционально.

Поиск свободного места оказался не таким простым делом, как Кирилл изначально рассчитывал. Почти все столы и стулья были заняты, и Кириллу пришлось пройти весь обеденный зал, чтобы обнаружить местечко, куда он смог присесть. Из чего следовал вывод: «бомбоубежище-бункер» (пусть даже он и не бункер, а, например, ЦУП или КП войск стратегического назначения) переполнен сверх меры. Ведь не может же такого быть, чтобы общая столовая не вмещала весь личный состав! В армии такого быть не должно по определению. В армии все рассчитано и все согласовано, и если нет свободных мест – значит, форс-мажор.

Кирилл переместил на передний план тарелку с борщом, хорошенько прицелился ложкой и зацепил кусок мяса. Вкусно! И совсем не по-армейски (в его – Кирилла – представлении), а по-домашнему.

– Здравствуйте, молодой человек! – сосед напротив (до этого увлеченно читавший газету – статью о проклятой американской военщине) отложил печатное издание в сторону и обратился к Кириллу. Он был в чине полковника – в форме ВВС (точнее ВКС). – Давайте знакомиться: меня зовут Иван Андреевич. А Вас как?

– Кирилл! – Кирилл оторвался от тарелки и в течение нескольких секунд изучал лицо «Ивана Андреевича». У него возникло стойкое ощущение, что сосед по столу никакой не «Иван Андреевич», но он не стал ничего говорить. В принципе, ему вообще нет дела до того, кто рядом с ним. Поэтому сосед может называть себя хоть Никифором Никифоровичем, Кирилл не обидится.

– Вы очень молоды! – «Иван Андреевич» в свою очередь изучал Кирилла. – Позвольте нескромный вопрос: вы чей-то сын?

– Угу! – Кирилл кивнул с набитым ртом. Он – безусловно, чей-то сын (в частности, своего папы), так что он никого не обманывает.

– Я так и знал! – полковник иронично усмехнулся. – Впрочем, – он стер улыбку с лица, – наша задача, как вооруженных сил, защищать гражданское население, так что мы и вас защитим в случае чего! Я прав?

– Конечно! – Кирилл поменял местами тарелки и с аппетитом принялся за второе. Он не собирался вестись на провокации (или на специфическую манеру подтрунивать) незнакомого полковника. – И гражданское население с радостью примет Вашу персональную защиту!

– Но, но! Молодой человек, Вы не очень-то! – полковник (как и положено полковнику) шуток – тем более от гражданских – понимать не собирался и сразу вспыхнул, как порох. – Вы еще слишком молоды, чтобы говорить со мной в таком пренебрежительном тоне! Ишь какой молокосос выискался! – полковник гневно скомкал газету и с грохотом отодвинул стул, вставая. – Вот попадешь ко мне в строевую часть, посмотришь, как нужно разговаривать со старшими!

– Нет проблем! – Кирилл проводил его взглядом, еле сдерживая смех. – Воистину, пока человек дорастет до полковника, все его юмористические извилины становятся похожими на кирзовый сапог. И другие тоже, извилины – не слишком отличаются от юмористических, кирзовых.

* * *

– И нафига, спрашивается, я их взял? – Кирилл смотрел на свои «боевые цапки»: Орден за Заслуги Перед Отечеством IV степени и Медаль за Отличие в Специальных Операциях. – Что-то я не вижу парадного плаца, по которому я смог бы пройти, гремя медалями и чеканя стройно шаг!

Кирилл вспомнил, как Щербень посоветовал ему взять с собой награды. Павел Иванович особенно настойчиво рекомендовал это сделать – что было для него необычно. И Кирилл послушался, хотя так до сих пор и не понял – а зачем?

– Ну, да и бог с ним. – Кирилл аккуратно уложил орден и медаль обратно в сумку и от нечего делать завалился на кровать. Повалился минут пятнадцать и взялся за учебник «Основы оптики». Он не собирается понапрасну терять время – лучше почитать материал, чтобы потом – под сессию – не пришлось бегать, как ошпаренному, и пытаться выучить кучу предметов. А то, что сессия – несмотря на все политические и, возможно, военные передраги –будет, Кирилл не сомневался.

«Амплитуда поля не может непосредственно наблюдаться или измеряться, так как поле очень быстро меняется во времени с частотой

$$\nu \approx 10^{15} \text{сек}^{-1}$$

и $T = 10^{-15} \text{сек}$, а любые приемники излучения имеют значительно большее, чем период

$$\Delta \tau \gg 10^{-15} \text{сек}$$

колебаний, время инерции. Поэтому регистрируется лишь усреднен-

ная во времени величина – **интенсивность поля** I .

Из уравнения Максвелла следует, что интенсивность пропорциональна квадрату амплитуды поля $I \sim a^2$, то есть равна квадрату модуля комплексной амплитуды (произведению комплексной амплитуды на величину, комплексно сопряженную ей):

$$I = |U|^2 = UU^* \quad (1.4.1)$$

Можно измерить квадрат модуля комплексной амплитуды, но невозможно измерить фазу и эйконал поля – при регистрации поля они теряются. Для сохранения информации о фазе (эйконале) требуется измерение интенсивности поля, складываемого из нескольких полей.

1.4.2. Наблюдаемые величины при сложении полей

При сложении двух полей $U_1 = a_1 e^{i\varphi_1}$ (с фазой $\varphi_1 = k_0 E_1$)
и $U_2 = a_2 e^{i\varphi_2}$ (с фазой $\varphi_2 = k_0 E_2$), суммарную интенсивность можно представить в виде:

$$\begin{aligned} I &= |U_\Sigma|^2 = U_\Sigma U_\Sigma^* = (U_1 + U_2)(U_1^* + U_2^*) = U_1 U_1^* + U_2 U_2^* + U_1 U_2^* + U_2 U_1^* = \\ &= a_1^2 + a_2^2 + a_1 a_2 e^{i(\varphi_1 - \varphi_2)} + a_1 a_2 e^{-i(\varphi_1 - \varphi_2)} = I_1 + I_2 + 2\sqrt{I_1 I_2} \cdot \cos(\Delta\varphi) = I_\Sigma \end{aligned}$$

Таким образом, суммарная интенсивность записывается в виде **уравнения интерферограммы**:

$$I_{\Sigma} = I_1 + I_2 + 2\sqrt{I_1 I_2} \cdot \cos(\Delta\varphi) \quad (1.4.2)$$

$$\Delta\varphi = \varphi_1 - \varphi_2 = \frac{2\pi\Delta E}{\lambda_0}$$

где $\Delta\varphi$ – разность фаз поля.

Явление, возникающее при сложении двух полей, называется **интерференцией**, а **интерферограмма** – это картина, наблюдаемая при интерференции.

Сложение когерентных полей

Когерентные поля характеризуются тем, что разность фаз (эйконолов) двух полей остается постоянной за время инерции приемника.

В этом случае суммарная интенсивность определяется выражением (1.4.2), а картина распределения интенсивности представляет собой чередование темных и светлых полос, кон-

фигурация которых зависит от изменения разности фаз $\Delta\varphi$.

Введем понятие **референтного (эталонного) поля**, которое имеет известную картину фаз. При сравнении с ним выявляются параметры другого поля (интенсивность и фаза). Регистрируемая картина взаимодействия двух полей, одно из которых референтное, называется **голограммой**. Голограмма – это запись полной информации о поле, то есть его комплексной амплитуды. Интерферограмма и голограмма – способы записи комплексной амплитуды поля путем сравнения его с эталонным полем.

Сложение некогерентных полей

Если разность фаз полей меняется случайным образом много раз за время регистрации, то поля являются **некогерентными**. При регистрации суммарной интенсивности ее значения по времени усредняются:

$$\overline{I_{\Sigma}} = \overline{I_1} + \overline{I_2} + 2\sqrt{\overline{I_1 I_2}} \cdot \overline{\cos(\Delta\varphi)} \quad (1.4.4)$$

В выражении (1.4.4) $\overline{I_1}$ и $\overline{I_2}$ – постоянны, их можно не усреднять, а $\overline{\cos(\Delta\varphi)} = 0$, тогда, получим выражение для сложения двух некогерентных полей:

$$I_{\Sigma} = I_1 + I_2 \quad (1.4.5)$$

1.4.3. Квазимонохроматическое и полихроматическое поле

Поле, излучаемое реальными источниками света, не бывает строго монохроматическим...»

– Да, так я ничего не запомню! – Кирилл отложил в сторону учебник и полез за ручкой и листами бумаги (он специально захватил их из дома, понимая, что материал из «Основ оптики» можно выучить, только выписывая, и снова выписывая все формулы и определения подряд). – И кстати, в очередной раз вопрос: зачем меня сюда привезли? Чтобы позволить учиться в одиночестве? Считай, целый день прошел без толку, и кроме дурного задания от НН я ничем таким не занимался! – под «ничем таким» Кирилл имел в виду специфические задания с использованием *видения*.

Внезапно в дверь жилого блока сильно постучали – стук был резким и громким, и Кирилл сразу решил, что пожаловало высокое начальство. Он не ошибся – на пороге стояли двое: НН и целый генерал-полковник в странной черной форме.

– Мы войдем? – НН шагнул через порог, за ним – генерал. Кирилл посторонился, пропуская гостей.

– Ну и, как устроился? Нормально? – НН и генерал уселись в кресла, стоящие вдоль стены, а Кирилл плюхнулся на диван. – Уделишь нам пару минут?

«А у меня что, есть выбор?», – хотелось ответить Кириллу, но он лишь молча кивнул.

– Как ты, вероятно, уже догадался, мы находимся на секретном военном объекте, который призван исполнять секретные военные функции. В случае обострения ситуации сюда прибывают специально отобранные люди – и ты оказался в их числе. Ты пробудешь здесь ровно столько, сколько нужно, и ни минутой больше. Это так – чтобы ты знал и не задавал лишних вопросов. – НН говорил негромко и с мрачноватыми нотками в голосе. – Каждый из присутствующих здесь выполняет свое задание, и ты тоже – выполнишь свое! Готов?

Кирилл снова кивнул и подумал, что можно было бы обойтись и без такого длинного вступления.

– Товарища генерала зовут Семен Аркадьевич, и сейчас он объяснит, в чем заключается твое первое задание. – НН передал генералу красную папку, которую вертел в руках – и Кирилл хмыкнул про себя: «Прямо голливудский боевик про ядерный апокалипсис. Красные папки, мрачные рожи, большие звезды!»

– Да, Раевский! – генерал сразу «ухватил коня под уздцы». – Работать будешь здесь, никуда не выходя. Этот жилой блок – специальный, и еду, и питье тебе будут приносить прямо сюда. Покидать блок запрещено до особого распоряжения. А сделать тебе предстоит следующее...

* * *

Кирилл лежал на кровати с закрытыми глазами. Мысли текли вяло, он пребывал в состоянии отстраненности и почти что нирваны. Ему потребовалось несколько часов, чтобы успоко-

иться, и вот наконец – хладнокровность и безэмоциональность восстановлены: он может приступить непосредственно к заданию.

А задание очень интересное – и просто от настройки на него у Кирилла мурашки бежали по коже. «Среди высшего круга правительственных чиновников, силовиков, администрации Президенты, депутатского корпуса и сенаторов определить тех, кто уже перешли на сторону врага». Это первое. Второе: «Кто может перейти на сторону врага при неблагоприятном развитии событий? С какой вероятностью?» И фотографии – целая куча с описанием: кто есть кто.

– Интересно, санкционировано ли подобное «сканирование», например, Премьером? – Кирилл открыл глаза и побрел на кухню за печеньем и чаем (при жилом блоке была маленькая кухонька). – Или это – так секретно, что даже муха не должна крылышками шуршать в процессе? И главное, после таких «исследований» я вообще – отсюда живым выберусь?

Вопрос был пикантным, и Кирилл – прежде чем взяться за выполнение Задания – сосредоточил свое *видение* именно на нем. Почему? Да потому что любой нормальный человек, прежде всего, обеспокоен своей личной безопасностью и безопасностью своих родных – а потом уже всем остальным. Очень быстро Кирилл получил ответ: ему ничего не угрожает, а распоряжение насчет него пришло с самого верха. Т. е. – совсем с самого.

Кирилл вспомнил, как полтора года назад он встречался в Кремле с Президентом, и у него потеплело на душе. Та встреча была знаменательной – правда, Кирилл о ней никому не рассказывал, и поэтому никто не разделил с ним чувство гордости от аудиенции с Верховным Главнокомандующим. Но главное – о нем не забыли (и Кирилл даже мог точно сказать, кто не забыл) и посчитали, что он может быть полезен.

– Что ж. – Кирилл почувствовал серьезный прилив сил. – Постараюсь оправдать оказанное мне Августейшей Особой высокое доверие. Глядишь, и сделают поблажку в учебе – типа, придется сдавать сто восемнадцать ДЗ в семестре, а не сто двадцать, как заложено в учебном плане. А засим – приступим!

Он распаковал первый конверт и выложил перед собой фотографии членов Правительства – начиная с Премьера и заканчивая министрами и их заместителями.

– И что бы сказали мои родители, если бы узнали, чем я здесь занимаюсь? – Кирилл взял в руки фотографию Премьера и сфокусировал на нем свою *настройку*. – Мама, наверное, упала бы в обморок, а папа сунул бы бутылку в карман, сделал бы зверское лицо и пошел на улицу – обсуждать с соседями создавшуюся непростую политическую ситуацию...

Глава четвертая. Возвращение домой

Кирилл трудился в поте лица (времени для работы у него было навалом, и никто его не отвлекал). Трижды в день курьер в форме капитана (какого рода войск, Кирилл точно сказать не мог) приносил ему пищу, бумагу и письменные принадлежности, молча козырял и удалялся.

Поначалу Кириллу казалось, что такой огромный воз работы он не в силах перелопатить. Фотографий политиков было так много, что иногда у него просто опускались руки – не говоря уж об огромных затратах энергии, которая обеспечивала *видение*.

Но дни шли за днями, и постепенно Кирилл формировал пухленькое подробное досье на каждого представленного к разработке. Картина, прямо говоря, получалась захватывающая. Например, у большей половины депутатов имелись накопления на иностранных счетах и недвижимость за границей, их дети учились в Англии и США, и на вопрос: «Готовы ли они перейти на сторону врага при неблагоприятном развитии событий?» Кирилл отвечал утвердительно.

Некоторые из депутатов были отъявленными мерзавцами, на которых просто негде ставить пробы, и им претили любые моральные принципы. Такие продадутся хоть кому – лишь бы остаться у власти – поэтому и они тоже потенциальные предатели.

Были и третьи – почти бессеребренники (пока бессеребренники). Но и они, в большинстве своем, планировали неплохо нажиться, подняться на государственных харчах и обеспечить себя и семью на долгий срок.

Рассматривать сущность и первых, и вторых, и третьих Кириллу было противно, и он чувствовал физическое недомогание, когда на них настраивался. Но что делать – назвался груздем, полезай в кузов! Здесь уж без вариантов.

То же самое касалось и Совета Федераций – в палате заседали представители местечковой номенклатуры со всеми вытекающими из их положения пороками. При любом раскладе назвать их полноценными представителями российских регионов Кирилл никак не мог. Сенаторы только тем и занимались, что лоббировали интересы своих региональных боссов, интриговали и набивали карманы. И в случае чего с легкостью предавали своих прежних хозяев, чтобы верно послужить новым.

В один из вечеров (после того, как Кирилл ударно проработал целый день и составил несколько десятков новых досье) его охватила такая тоска от всего этого политического паноптикума, что он чуть не разболелся. Он лег пораньше и проспал почти до самого обеда, восстанавливаясь во сне. Сон лечил Кирилла с детства, и Кирилл до сих пор этим пользовался.

Проснувшись, Кирилл вновь почувствовал себя полным сил, стиснул зубы и – вперед! Он настраивался на *видение*, потом с помощью *видения* настраивался на «пациентов», записывал всё, что смог *увидеть*, потом недолго отдыхал и подкреплялся чаем или перекусом – и цикл повторялся снова и снова. И вот – через три недели усилий и ценой почти полной утраты веры в человечество все досье были закончены. А Кирилл почувствовал нестерпимое желание увековечить свой труд в рифмованных виршах.

Он сел и написал следующее:

Когда ж в стране родной
Найдется кто-то,
Кто будет честно за страну горой,
А не с бухгалтерским подсчетом?

Когда придут во власть
Профессионалы и идеалисты,

А не желающие порезвиться всласть
За госсчет капиталисты?

Когда ж усердный гражданин
Сможет выдать смело:
«Политический класс един
И говорит, и борется за правое дело?»

Наверное, никогда.
Увы.
При власти – продажные дамы и господа,
Зарекшиеся и от суммы, и от тюрьмы.

Прежде Кирилл не ощущал в себе потребности не то что писать стихи о политике, но даже и интересоваться ею. Политика была сама по себе, Кирилл – сам по себе. Он даже не следил за тем, что творится в мире, не говоря уж о том, чтобы как-то реагировать на новости. И вот надо же!..

* * *

Тем не менее работа была закончена, и Кирилл – после интенсивного пересмотра – почувствовал себя вполне удовлетворенным. Что бы дальше не произошло с собранным (*увиденным*) им материалом, кто бы его не смотрел, Кирилл сделал всё, что мог, а остальное – не его проблемы.

На следующий день он сообщил офицеру, принесшему завтрак, что хочет говорить с НН, и это срочно. Офицер козырнул и удалился, а через десять минут к Кириллу в гости пожаловал Потап Филиппович.

– Звал? – НН плюхнулся в кресло, кисло улыбнувшись. Кирилл сразу обратил внимание, что куратор со дня их первого знакомства слегка осунулся с лица и вообще – выглядел уставшим и напряженным. – Надеюсь, не для того, чтобы поплакаться, как тебе тяжело.

– Нет, не для того. – Кирилл поймал себя на мысли, что ему очень хочется вlepить Филиппичу конкретную порчу. Чтобы бегал по бабкам-ведуньям и пытался снять за деньги. – Вот. – Кирилл протянул ему толстенную (в десять сантиметров толщиной) пачку бумаги и папку с фотографиями. – Ваше задание выполнено!

– Как это, выполнено? – НН даже опешил. – Т. е. ты хочешь сказать, что уже управился? Так быстро?

– Ну да. – Кирилл еле удержался, чтобы не фыркнуть, как рассерженный кот: «Вот ведь тупой сапог, прости господи!»

– Ладно. – Когда до НН дошло, что с ним не шутят, он подошел к сенсорному экрану на стене и набрал на нем комбинацию из десяти цифр. Экран засветился, и в нем появилось лицо какого-то незнакомого офицера:

– Слушаю!

– Это шестнадцатый! – в голосе НН прозвучали властные безапелляционные нотки. – Дай мне срочно одиннадцатого!

– Слушаюсь! – лицо офицера пропало, а через несколько секунд с экрана уже смотрел знакомый Кириллу генерал-полковник.

– Ну? – генерал-полковник (так же, как и НН) выглядел нездорово: желтоватый цвет лица, набухшие мешки под глазами – словом, недосып явно налицо. И еще – нервное напряжение. – Говори!

– Наш мальчик утверждает, что уже все закончил. – НН покосился на Кирилла. – Что делать с материалом?

– А то ты не знаешь! – генерал-полковник ожесточенно тер подбородок. – Давай его быстро сюда! А мальчику скажи, пусть пока отдыхает. И еще – отныне он может выходить на прогулки по этажу. Засиделся, небось? – и генерал отключился.

– Ну, ты все слышал? – НН сграбастал материалы, подготовленные Кириллом, и скрылся за дверью. А Кирилл сел на кровать, давась смехом.

– Вот блин! – отсмеявшись, Кирилл с удовольствием заварил себе чаю и с не меньшим удовольствием подкрепился пряниками. Настроение у него было замечательным – и особенно от того, как его воспринимали НН и этот генерал. Это значит, что он отлично сохраняет секретность, и никто не догадывается, на что на самом деле он способен. И его заслуги перед Родиной (в сохранении искомой секретности) нужно особо подчеркнуть, например, при разговоре с Толкачевым. Пусть порадуетса замдекана за своих студентов!

* * *

Прогулка по коридорам подземного бункера – то еще удовольствие. Почти как по камере где-нибудь в Бутырке, только слегка приятнее. Впрочем, в Бутырке – там вообще все плохо, здесь же: воздух свеж (нагоняется мощной приточно-вытяжной установкой), и расстояние, которое можно пройти до поворота и обратно – довольно приличное. И самое главное – из жилых блоков время от времени выходят люди (и военные, и гражданские), с ними даже можно поздороваться – и даже иногда поговорить.

Последние дней пять своего «заточения» в блоке Кирилл не на шутку тосковал о свободе передвижения, и поэтому он воспринял поощрение от генерал-полковника в неизвестной черной форме как подарок судьбы. И как, оказывается, мало надо человеку, чтобы воспринимать себя счастливым!

Первые десять кругов по коридору он сделал в рекордно короткое время – мышцы ног, рук и спины соскучились по движению и требовали ускоренной, быстрой, стремительной ходьбы – чтобы опять почувствовать себя нужными, востребованными и в тонусе.

Следующие десять кругов завершились в среднем темпе, ну а последние пять – уже в темпе полностью расслабленного и томного танго. Кирилл улыбался – организм вновь вспомнил вкус жизни, и возможно уже скоро – возвращение домой и домашние пирожки, и встреча (честно говоря, очень волнующая) с Машей.

Кирилл прислонился к дверному косяку, чувствуя в ногах приятную усталость. Внезапно дверь напротив отворилась, и из-за двери показался тот самый «столовский полковник» – тот, который назвал Кирилла «чьим-то сыном».

– Какая встреча! – череда эмоций со скоростью звука промелькнула на лице полковника и в итоге сформировалась в мрачную угрюмость. – А ты-то что здесь делаешь?

– Стою! – Кирилл пожал плечами. – А что, нельзя?

– Ах ты ж, щенок! – полковник мгновенно окрысился, побледнел и пошел красными пятнами по всем открытым участкам кожи (примерное, как тогда – в столовой). – Вот был бы ты в моем подчинении!..

– Да – Вы уже говорили! – Кирилл не дал тому продолжить, и полковник осекся на полуслове – судя по всему, пребывая в полном ступоре от такого неуважительного к себе отношения. Кирилл вызывающе посмотрел на него, потом махнул рукой и скрылся в блоке – от греха, как говорится, подальше.

Кирилл сел на стул на кухне, чувствуя, как буквально сочится довольством – воистину, секретный военный объект (ах, если бы еще получить возможность передвигаться сво-

бодно!) ему начинал нравиться – в особенности возможность позлить этого дурака-полковника. Кстати, а почему он живет напротив? Разве бывают такие совпадения?

– Сейчас мы их проверим, сейчас мы их сравним. – Кирилл быстро настроился на полковника и даже заплодировал. – Вот тебе и на! – полковник оказался чистой воды «подставной уткой», назначенной наблюдать за Кириллом. Это – профессиональный психолог при погонах, к тому же филигранно владеющий актерским мастерством. И в звании настоящего полковника, и похоже – из военной разведки.

– И почему бы мне раньше не взглянуть на него правильным зрением? – Кирилл удрученно стукнул себя по коленям, но потом чуть-чуть подумал и вновь рассмеялся в голос. – Хотя, а что бы это изменило? Ничего. В следующий раз просто скажу ему, что я его раскусил, да и все дела!..

Возможность уязвить полковника, впрочем, Кириллу так и не представилась. Что, конечно, было к лучшему – зачем лишний раз раззадоривать человека, пусть хоть он и профессионал, и его работа – корчить из себя тупого бешеного служаку. Все должно быть в меру, и количество негатива между людьми – тоже.

* * *

На следующее утро Кирилл был разбужен ни свет, ни заря. Вездесущий экран на стене ожил и пробурчал громким недовольным голосом, что всем нужно собраться на минус восьмом этаже. Форма одежды – парадная. Сбор – через полтора часа. Голос повторил свое сообщение четыре раза, и Кирилл так и не понял: это специально для него столько раз повторять? Или для всех – чтобы со сна не напутали место и время?

– Парадная форма! – Кирилл сорвался с кровати и помчался в ванную, пытаясь вспомнить, взял он с собой что-нибудь парадное или нет. В голове мелькали картинки шмотья, что он укладывал в сумку, и кажется, среди них был костюм, который он не хотел брать, но отец настоял.

– Возьми, возьми! – сказал он. – Весит немного, а пригодиться может. Я знаю этих военных (или к кому ты там едешь?). Они страсть как не любят джинсы и свободные штаны, вот и будешь ходить в костюме – если что. Ты меня еще добрым словом вспомнишь.

– Спасибо, папа, вспоминаю тебя добрым словом! – Кирилл быстро закончил с водными процедурами и метнулся на кухню: завтракать остатками от вчерашнего дня. – Все-таки, житейский опыт – его не пропъешь, и он часто оказывается полезным – факт.

Кирилл наскоро перекусил, выудил из сумки костюм – тот успел уже сильно помяться – и включил утюг (утюг изначально находился в блоке и предполагал, что никто в коридор неглаженным не выйдет). Совместно с утюгом в комплекте шла гладильная доска и даже марля – военные изначально позаботились обо всем. Оно и понятно: мятых в армии – сразу на кол!

Через полчаса Кирилл был готов на выход – отутюжен, строен, подтянут и почти совсем не голоден. Он пристально осмотрел себя в зеркале и остался доволен – в его арсенале оказалась даже белая рубашка (и когда мама успела подкинуть?), так что Кирилл смотрелся тульским самоваром: блестящим и надутым.

Запас по времени еще был, так что он рассеянно прошелся по комнате, а потом вдруг подумал: «А почему бы не предстать перед обществом со всеми регалиями – при ордене и медали? Зря что ли он их сюда тащил? Да и Щербень на что-то такое намекал, вроде? Может, он заранее знал?»

Секунду подумав, Кирилл согласно кивнул головой и принялся аккуратно пришпиливать награды к пиджаку. Опыта у него не было совсем (он даже не знал, на какой стороне их нужно носить), но – судя по фильмам и официальной хронике – они должны быть слева. Орден –

выше, медаль – ниже. Или рядом, но орден – впереди. В итоге Кирилл так и сделал – поместил награды рядом: орден плюс медаль.

– Не ахти, конечно, какой наградной ряд, но хоть он, ряд, есть – и то хлеб. – По привычке Кирилл критически улыбнулся, но тут же себя одернул. И одна награда, и другая – очень весомые, люди за них кровь проливают и работают, не покладая рук, всю жизнь, а он здесь юродствует! Постыдился бы!

На стене вспыхнул зануда-экран и торжественно прокричал: «Всем отправляться на минус восьмой уровень! Всем отправляться на минус восьмой уровень!», и Кирилл с удовольствием исполнил приказ электронного попки-дурака. У него было предчувствие, что скоро его пребывание на этом стратегическом объекте закончится. А предчувствие – вещь хоть и нематериальная, но весьма правдивая.

Кирилл вышел в коридор и увидел спины шагающих к лифту военных и гражданских. Их было много – все (даже со спины) выглядели нарядно и торжественно, и Кирилл порадовался: что тоже нарядный и торжественный. В джинсах и в спортивной курточке «Nike» в такой компании делать нечего.

Кирилл бодро промаршировал к лифту, загрузился в него в гордом одиночестве – так получилось – и нажал клавишу «– 8». Лифт рванул вверх очень быстро – Кирилл даже ощутил перегрузку: буквально несколько секунд, и двери распахнулись. Из лифта Кирилл двинулся прямо вперед и вышел в огромный общий зал – огромностью напоминающий плац под открытым небом – и остановился. Он понятия не имел о том, что делать дальше и в какой строй вставать – и стоит ли вставать вообще.

Строёв, между тем, было много. Вернее, не строёв, а подразделений (взводов или рот?), которые располагались рядом и состояли из военнослужащих разных званий. И, кстати, можно ли называть офицерский строй взводом или ротой? Все-таки, офицеры и рядовые – для них в армии порядок особый. Впрочем, неважно (для Кирилла было неважно).

– Ну и? – Кирилл задумчиво почесал затылок, а потом отправился к разношерстным гражданским. Мужчинам и женщинам в гражданских костюмах и строгих платьях отвели примерно четверть плаца: и эта территория – в отличие от «территории цвета хаки» – чувствовала себя очень свободно и вела себя очень громко.

Кирилл пробирался между парочек и групп, ведущих оживленную беседу, и чувствовал на себе заинтересованные взгляды. И понятно почему. Он был одним из немногих, на чьей груди висели награды, а то, что самым молодым – так тут уж сомневаться не приходилось! Впрочем, сейчас он встанет где-нибудь у стенки – не отсвечивая – и внимание к нему сойдет на нет.

Но не тут-то было. Подходящей стенки не нашлось, и Кириллу волей-неволей пришлось встать посреди толпы (ну, с краю, но все равно – в толпе), и с ним тут же завели разговор:

– Добрый день! Вернее, доброе утро! – к Кириллу подошел седовласый невысокий мужчина, на левой стороне пиджака которого был приколот «Орден Александра Невского». – Позвольте представиться: меня зовут Валентин Анатольевич Карпов! Позвольте спросить – а Вас как?

– Кирилл Раевский! – Кирилл почему-то сразу почувствовал к Валентину Анатольевичу расположение. Голос у того был мягкий и спокойный, а движения – неторопливыми и уверенными. – Можно просто Кирилл.

– Очень приятно! – Валентин Анатольевич протянул руку для рукопожатия, и Кирилл ответил. – Честно скажу, мне хочется с Вами познакомиться. Хотя! – Карпов улыбнулся. – Это и так понятно. Вы не против, если я позову друзей?

Кирилл отрицательно покачал головой, что означало «Не против», и внутренне подобрался. Наверняка, сейчас «друзья» начнут интересоваться, что да как, и ему придется изворачиваться. И о чем он только думал, надевая награды? Ведь мог (и должен был) вести себя

скромнее! Нет, все-таки он еще не до конца изжил в себе чувство собственной значимости. Не до конца.

По знаку Карпова к нему подошли трое (все с наградами, причем, у одного на шее висел орден «За Заслуги Перед Отечеством II степени», и слева была приколата соответствующая звезда) и представились. Кирилл в свою очередь назвал себя и замолчал, ожидая продолжения.

– Вы очень молоды! – обладатель ордена II степени (Аркадий Андреевич Новицкий) говорил примерно так же, как и Карпов – доброжелательно и неспешно. – А между тем, на Вашей груди – такие серьезные награды. Возьму на себя смелость полюбопытствовать, за что Вам их вручили? Мы никому не скажем, честно. – Он громко засмеялся, и вместе с ним засмеялись и другие.

– Это шутка, Кирилл! – Карпов, видя, что Кирилл несколько смутился, тут же разрядил обстановку. – Своеобразный юмор технарей, которые всю жизнь имеют дело с серьезными вещами. Противоположность серьезности, так сказать. Помогает жить и созидать. Но я быюсь об заклад, что Вы – студент! Угадал?

– Да! – Кирилл чувствовал себя очень неуютно в компании таких маститых джентльменов. – Учусь на третьем курсе.

– А где, если не секрет? – Карпов, похоже, взял на себя обязанность вести разговор. А остальные слушали.

– В Бауманском университете. – Кирилл с удовольствием поймал себя на мысли, что ему совсем не стыдно произносить название собственного ВУЗа. Не какой-нибудь там заборостроительный коммерческий!

– А, коллега! – Карпов и другие почти одновременно заулыбались. – Мы тоже все выходцы именно оттуда. Заканчивали, правда, уже давно – когда Бауманка еще не была университетом, а только лишь училищем! Но так нам даже больше нравится. Правда, коллеги?

– А на каком факультете Вы учитесь, Кирилл? – в разговор встрял Новицкий.

– На РЛ. Т. е. на «Радиоэлектронике и лазерной технике» на кафедре РЛ-2.

– О, так это же моя специализация! – Новицкий выглядел жутко довольным – как толстый кот, только что сожравший полкило колбасы. – А можно поближе рассмотреть Вашу медаль, Кирилл? Если моя просьба, конечно, не покажется Вам слишком уж странной. – Новицкий выудил из кармана очки и, не дожидаясь ответа, нацепил их на нос и склонился к пиджаку Кирилла.

– Вот так, господа! – его голос зазвучал даже немного торжественно. – У нашего юного коллеги, наряду с орденом четвертой степени «За Заслуги Перед Отечеством», еще и медаль «За Отличие в Специальных Операциях» ФСБ России! Впечатляет, очень впечатляет, прямо нужно сказать!

У Кирилла адели уши – принимая решение пойти в наградах, он не ожидал такого к ним внимания. И что отвечать, он не знал. А Карпов и Новицкий (и все остальные) смотрели на него понимающими глазами.

– Давайте перестанем смущать нашего коллегу. – Карпов снова широко улыбнулся. – Наше любопытство в целом уже вознаграждено, а Кирилл нам, наверняка, почти ничего не скажет. Секретность, куда ж от нее денешься! Ведь так?

– Угу! – Кирилл заставил себя улыбнуться в ответ. Он уже открыл было рот добавить, что и студенты умеют хранить тайну, но в последний момент промолчал. Банально и очень неостроумно. А другого он придумать не смог.

Но впрочем, и не потребовалось. Громкий голос из-под потолка (с интонациями командующего, как минимум, фронтом) потребовал разобраться, построиться и объявил, что торжественное мероприятие с участием Президента РФ начнется через десять минут.

– Пойдем с нами! – Карпов каким-то шестым чувством уловил, что Кирилл не знает, куда идти. – У тебя такой рассеянный вид, как будто ты совсем не в курсе, что здесь должно происходить, и как это будет выглядеть.

– Именно. – буркнул Кирилл, направляясь вместе с группой Карпов-Новицкий-сотоварищи к центру зала.

«Похоже, эти сапоги думают, что я должен всё угадывать заранее, и мне ничего не нужно объяснять. Типа как в том анекдоте: «Требуется на работу ясновидящий! Куда обращаться, сами знаете». Вод ведь остолопы, прости Господи!», – Кирилл чувствовал внутри разрастающуюся холодную неприязнь ко всем этим секретным военным, которые не могли (или не хотели) обращаться с ним по-человечески. Да ладно по-человечески, пусть хотя бы порядочно. Он ведь, в конце концов, не железный автомат, он тоже имеет право знать хоть что-то!

Тем временем компания остановились, и Кирилл выбрал место позади Карпова. Перед ним в разношерстном необязательном строю – четыре человека, но, поскольку он был самый высокий, он прекрасно видел всё, что творится в центре. А там было пусто, и только в самом конце зала военные в форме быстро-быстро расставляли столы и накрывали на них скатерти.

Из-под потолка раздались торжественные звуки литавр, громко заиграл гимн России, и откуда-то сбоку под звуки гимна пошла знаменная группа – прямо как на Параде Победы на Красной площади. А вскоре появился и Верховный Главнокомандующий – в сопровождении министра обороны и начальника Генерального штаба.

Ряды военных замерли, ряды гражданских тоже не особо двигались – но все же не стояли, как каменные истуканы. Гражданские ведь они есть гражданские – вольница, как ни крути.

Президент и генералы остановились и поочередно произнесли речи о том, что острая кризисная ситуация – позади, все присутствующие здесь выполнили свою миссию, и теперь по всей стране наступит аллилуйя и всеобщее облегчение. И что, несмотря ни на что, пребывание в бункере всех присутствующих было оправдано, так как, во-первых (повторили несколько раз) они выполнили свои прямые обязанности, а во-вторых, это было необходимо. С точки зрения Кирилла речи были чисто «масло масляное», но он (так же как и все) слушал молча и почти не дыша. Как-никак – такая торжественная обстановка и пафос!

Официоз, впрочем, продолжался недолго. Как только последний выступающий (начальник Генерального штаба) закончил говорить, по взмаху «невидимой руки, управляющей действием», личный состав из военных и примкнувших к ним гражданских ломанул к столам – к тому моменту они уже были накрыты и сервированы. И тут же пришло ощущение праздника и веселья.

Кирилл пристроился в кильватере своей группы, прикидывая, как бы ему улизнуть к себе и прикинуться ветошью, чтобы не отсвечивать и не участвовать во всеобщей попойке, но у него снова не получилось.

– Кирилл! – не успел Кирилл определиться со столом, как его окликнул знакомый голос. Шербень! В компании целого министра Иностранных дел и Потапа Филлиповича (НН), который, в отличие от обычного себя, смотрел на Кирилла даже приветливо и даже вполне добродушно. – Ах, какой красавец! Ну-ка подойди сюда!

Кирилл покорно подошел и смущенно пожал протянутые ему руки. Посмотрел на министра – парадный мундир сверкал золотым шитьем, мундир Щербеня не слишком уступал мундиру министра. Из всей тройцы только НН был в обычном костюме без опознавательных знаков.

– Кирилл! – Министр смотрел на него с улыбкой. – Я давно хотел тебя поблагодарить еще за прошлый раз. За Австрию. На возьми! – он протянул Кириллу маленькую коробочку. – Небольшой презент на память. А заодно вопрос: кем собираешься стать после университета? Предложения уже есть?

– Нет пока. – Кирилл принял коробку, еле удержавшись, чтобы не поклониться по-японски (таким министр был представительным и вальяжным). – А сам я как-то не думал об этом, честно!

– Люблю честные ответы, хотя это совсем не дипломатично. – громко рассмеялся Министр и похлопал Кирилла по плечу. – Надеюсь, ты пойдешь к нам, такие люди нам нужны! Что ж, приятного вечера, не будем тебя задерживать.

– Спасибо, до свидания! – Кирилл повернулся, собираясь уйти, но был остановлен Щербенем, который ухватил его за рукав и отвел в сторону:

– Ну, как ты? – проговорил он заговорщическим шепотом. – Все нормально? Потап Филипович мне ничего не рассказывал, но видно – ты произвел на него впечатление. И ты не смотри на его солдафонские манеры – такого умного человека еще поискать! И можешь не сомневаться, его мнение в определенных кругах стоит очень дорого. Чем занимался-то?

Кирилл нахмурился:

– Павел Иванович, Вам лучше не знать и лучше меня не спрашивать. А для меня лучше Вам ничего не рассказывать, Вы меня извините, пожалуйста!

– Конечно, конечно! – Щербень понимающе кивнул. – Это я так, на всякий случай, спросил. Но ты уж будь добр, на следующей неделе навести меня в МИДе, у нас – очень много работы.

– Обязательно! – Кирилл почувствовал внутри сильнейшее возбуждение. «На следующей неделе» значит, как он и предполагал, он вскоре будет дома!..

Глава пятая. Все входит в норму (или не входит?)

Кирилл не стал звонить родителям – сделал им сюрприз своим прибытием. И получил такой грандиозный втык, что и сам был не рад. Мама – судя по всему, сидевшая на успокоительных таблетках все время его отсутствия – тут же без промедления спустила на него собак: «Ты почему заранее не позвонил?! Ты что, не понимаешь, как мы все здесь дергаемся?»

Выволочка продолжалась долго – минут десять, пока мама не выпустила пар и, счастливая и довольная, не побежала на кухню готовить праздничный ужин. А вскоре пришел отец и добавил Кириллу! Впрочем, все это были мелочи, и уже через полчаса в семье царило веселье и оживление. И даже были приглашены соседи, с которыми семья дружила. Соседям, правда, не объяснили, в чем причина попойки, но те особо и не спрашивали. Главное ведь не причина, а то, что можно выпить и подарки не дарить.

На следующий день – воскресенье – Кирилл проснулся поздно и первым делом решил позвонить Толкачеву. Замдекана откликнулся быстро, и его голос – в отличие от того, предтоьездного, месяц назад – был полон бодрости и оптимизма:

– А Кирилл! Привет! Как отстрелялся?

– Да, вроде, ничего. Наши вернулись?

– Да, уже все. Только ты остался и Сирена. Но я надеюсь, уже сегодня вечером вы появи-тесь в общежитии, как и положено.

– Конечно! – и, попрощавшись, Кирилл повесил трубку. И тут же дал себе установку всё воскресенье есть мамины пирожки, по которым страсть как соскучился на военной диете. И установку свою выполнил...

* * *

– Как же хорошо вернуться! Вот уж никогда бы не подумал, что так обрадуюсь своей комнате в этом каземате! – Кирилл почти лучезарным взглядом осмотрел комнату и кухню: все такое родное и все такое привычное. Быстро распаковал сумку, раскидал вещи по полкам и побежал к Наталье: делиться впечатлениями.

Наталья была не одна – у нее собрались все девчонки. Когда возбужденный и радостный Кирилл вломился внутрь и увидел Варю, чинно восседавшую на табурете, его настроение мгновенно сошло на нет, и он развернулся и поспешил удалиться. Наталья пыталась его удержать – но бесполезно. Еще летом Кирилл поклялся себе, что больше никогда и ни за что не перемолвится с Варей даже словом, и не собирался отказываться от своей клятвы.

Он вернулся к себе, немного подышал, чтобы восстановить самообладание, и решительно взялся за учебники. Он пропустил целый месяц и – в отличие от своих сокурсников – теперь ему придется пыхтеть, как паровозу, чтобы сдать хвосты. В двенадцать часов ночи он выключил свет и тут же уснул – все произошедшее с ним на военной базе уже (спасибо пересмотру!) забывалось, становилось неважным и полностью прошедшим. И это было правильно.

В ГЗ за время его отсутствия ничего не изменилось. И группа встретила Кирилла почти равнодушно – без всякого интереса. Только Мамонт да Селиван с Урманом поинтересовались, где он пропадал все это время, и Кирилл привычно соврал, что болел. Другой бы на его месте, возможно, расстроился таким равнодушием одногруппников, но Кириллу было все равно. Самое главное (с его точки зрения) – что никто из преподавателей не выказал и тени недовольствия по причине отсутствия Кирилла и не внес его ни в какой «черный список прогульщиков», что было чревато проблемами в сессию.

Проблем и так хватало, и после занятий Кирилл (вместо того, чтобы бежать обратно в общагу) потратил пару часов на выяснение того, какой материал ему нужно пройти, какие

лабораторные работы выполнить, какие курсовики написать и какие чертежи начертить. И тут ему открылась настоящая глубина учебной пропасти, в которую он, помимо своей воли, угодил. Три курсовые работы, пять лабораторных работ с отчетами, шесть листов чертежей, два полноценных ДЗ и два же коллоквиума, которые нужно писать отдельно от всех. И ведь никто ему ничего не прощает, а замдекана даже и не заикается, чтобы сделать ему поблажку! Вот ведь засада!

Кирилл вернулся на Факультет мрачный, как туча. На этаже ему встретилась Наталья, которая тут же сделала обиженное лицо и набросилась на Кирилла, дескать – он вчера поступил не по-товарищески. Почему именно не по-товарищески, Наталья не пояснила, но было видно: она свято уверена в своей правоте. Кирилл не стал с ней спорить, а отмахнулся: «Ему реально некогда, и в пустых разборках он участвовать не намерен!». Наталья еще больше обиделась и надулась, как мышь на крупу.

– Ну вот. Количество недругов множится прямо по экспоненте. И на ровном месте. – Кирилл удрученно констатировал факт, что из подружек и друзей на Факультете, похоже, у него осталась одна Сирена. А виноват кто? Наверное, он сам, кто же еще! Типа, не способен поддерживать нормальные человеческие отношения. Вот только никто не отвечает на вопрос: «А когда ему поддерживать, если времени даже на сон нет?» Впрочем, бог с ним, как-нибудь все рассосется...

* * *

– Все началось при императоре Нероне. – ИВА привычно цапнула короткую деревянную указку в руки и, медленно прохаживаясь туда-сюда, начала повествовать. – Который, как я уже сказала выше, никоим образом не противился, чтобы его сравнивали с Солнцем и именовали божеством. Так вот, Нерон был самым настоящим сумасшедшим – он вошел в историю, как поджигатель Рима. Сделано это было ради собственного удовольствия и по собственной прихоти, но Нерону хватило ума отвести от себя подозрения. Для этого он обвинил в поджогах христиан, которые тогда считались вполне безобидной иудейской сектой.

Как следствие, гнев римлян обрушился на ни в чем неповинных христиан, и их образ навсегда закрепился в сознании римлян, как образ худших злодеев за все времена. Их подвергали жутким казням: распинали на крестах, отдавали на съеденье диким зверям, зашивали в мешки, которые обливали смолой и зажигали во время народных гуляний. И так до тех, пока редкие оставшиеся в живых христиане не покинули Рим.

Со времён Нерона христиане считали Римскую Империю царством демонов, а самого Нерона – антихристом. Жертвами гонений при Нероне стали первоверховные апостолы Петр и Павел – Пётр был распят на кресте вниз головой, а Павел усечён мечом. Но несмотря ни на что, христиане не оставляли попыток опять вернуться в Рим – а отсюда и последующие гонения.

Второе гонение христиан относят к императору Домициану (правил в 81 – 96 годах нашей эры), при котором было несколько казней в Риме. В 96 году он сослал апостола Иоанна Богослова на остров Патмос.

Впервые Римское государство начало действовать против христиан как против определенного общества, подозрительного в политическом отношении, при императоре Траяне (98 – 117 года нашей эры), а Траян, как вы знаете, считается современными историками одним из самых могущественных императоров.

В его время христиан специально уже не разыскивали, но если кто был обвинен судебной властью в принадлежности к христианству (это должно было доказываться отказом в жертвоприношении языческим богам), его казнили. При Траяне потерпели гонения, в числе многих христиан, святой Климент, епископ Римский, святой Игнатий Богоносец и Симеон, епископ Иерусалимский – 120-летний старец, сын Клеопы, преемник по кафедре апостола Иакова.

Впрочем, эти преследования христиан кажутся незначительными по сравнению с тем, что испытали христиане в последние годы правления императора Марка Аврелия (161-180 гг. нашей эры). Наверное, многие из вас смотрели фильм «Гладиатор» с Расселом Кроу (звездой Голливуда в главной роли)? Там – в этом фильме – Марк Аврелий представлен эдаким душкой, просвещенным императором, который больше всего ненавидел войну и любил мир. Яркий образчик американской пропаганды, основанной якобы на исторических фактах. Но это так – к слову пришлось. Американцы вообще не страдают объективностью и при любой возможности фальсифицируют всё, до чего могут дотянуться. Не специально – просто они сами по себе невежды.

Так вот. Реальный Марк Аврелий был кровопийцей, каких еще поискать. В частности, он уничтожал христиан. Если до него гонения на Церковь Христа были фактически незаконными и спровоцированными – как я уже сказала, христиан преследовали как уголовников, приписывая им поджог Рима – то в 177 году нашей эры Марк Аврелий запретил христианство законом. Он предписал разыскивать христиан и определил пытать и мучить их, чтобы отвратить от суеверия и упорства. Оставшиеся же твердыми в своей вере подвергались смертной казни.

Христиан изгоняли из домов, бичевали, побивали камнями, катали по земле, бросали в тюрьмы, лишали погребения. Гонения одновременно распространились в различных частях империи: в Галлии, Греции, на Востоке. При Марке Аврелии приняли мученическую смерть в Риме святой Иустин Философ и его ученики. Особенно сильны были гонения в Смирне, где был замучен святой Поликарп, епископ Смирнский, и в галльских городах Лионе и Вене. Так, по свидетельству современников, по улицам Лиона кучами лежали тела мучеников, которые потом сжигали, и их пепел бросали в Рону.

Кстати, возвращаясь к этому самому фильму «Гладиатор» – в нем преемник Марка Аврелия римский император Коммод представлен настоящим рафинированным ублюдком, который вечно жаждет крови. И которого убивает искомый гладиатор в исполнении Рассела Кроу через полгода после восшествия Коммода на трон. И все ликуют, поскольку справедливость и американский пафос восторжествовали.

На самом деле Коммод правил двенадцать лет – до 192 года нашей эры – и по сравнению со своим предшественником был верхом человеколюбия. В частности, он отменил закон Марка Аврелия, касающийся христиан, и восстановил более милостивое для христиан законодательство Траяна. Но оттепель – по аналогии с так называемой «хрущевской оттепелью», – ИВА презрительно и громко хрюкнула, – кончилась после смерти Коммода.

Его преемник Септимий Север (правил девятнадцать лет – до 211 года нашей эры) поначалу был сравнительно благосклонен к христианам, но в 202 году издал указ, запрещающий обращение римлян в иудаизм и в христианство, и с этого момента вспыхнули жестокие гонения на христиан и иудеев в различных частях империи. С особой силой они свирепствовали в Египте и в Африке. При Севере, в частности, был обезглавлен Леонид, отец знаменитого Оригена, в Лионе был замучен святой Ириней, тамошний епископ, брошена в кипящую смолу девица Потамиена. И так далее – перечислять всех убиенных, которые позже были причислены к лику святых как мученики, никакого времени не хватит.

Как часто бывает в истории (да вот хотя бы взять историю нашей страны), гонения на какие-либо определенные социальные или религиозные группы перемежались с послаблениями, во время которых правители пытались подчинить себе эти группы и направить их деятельность на благо государства.

Так, например, в короткое царствование императора Максимиана (235-238 гг. нашей эры) были жестокие преследования христиан во многих провинциях. Император лично контролировал, чтобы христианам не давали спуска. А вот при преемниках Максимиана, и особенно при Филиппе Аравитянине (244-249 гг. нашей эры), христиане пользовались такой снисходительностью власти, что простой народ даже самого императора считал тайным христианином.

Но снова все изменилось, когда вместо Максимиана на императорский престол вступил Деций, который правил два года (с 249 по 251 год нашей эры). За эти два года христиане пережили такие гонения, что они по систематичности и жестокости превосходили все предшествующие – даже гонения Марка Аврелия.

Деций решил восстановить почитание традиционных святынь и возродить древние культы. Наибольшую опасность по его мнению представляли христиане, общины которых распространились почти по всей империи, а церковь стала приобретать чёткую структуру. Христиане отказывались приносить жертвы и поклоняться языческим богам. Это следовало немедленно прекратить. И Деций решил полностью истребить христиан. Он издал специальный указ, согласно которому каждый житель империи должен был публично, в присутствии местных властей и специальной комиссии, принести жертву и отведать жертвенного мяса, после чего получить специальный документ, удостоверявший этот акт.

Не желавшие приносить жертвоприношения подвергались наказаниям – вплоть до смертной казни. Число казнённых было чрезвычайно велико. Пантеон мучеников во славу христианской церкви рос стремительными темпами, и полного уничтожения христиан не произошло лишь потому, что Деций благополучно почил в бозе.

Далее в гонениях случился очередной перерыв, но ненадолго – до прихода к власти императора Валериана (правил в 253 – 260 годах нашей эры). Эдиктом 257 года он приказал ссылать в заточение священнослужителей и запретил христианам созывать собрания. В 258 году вышел второй эдикт, повелевавший казнить священнослужителей, христиан высших классов обезглавливать мечом, знатных женщин ссылать в заточение, придворных, лишив прав и имений, отправлять на работы в царские поместья. Началось очередное жестокое избиение христиан. В числе пострадавших были римский епископ Сикст II с четырьмя диаконами, святой Киприан, епископ Карфагенский, принявший мученический венец на глазах паствы.

Но опять все изменилось со смертью Валериана и с восшествием на императорский трон его сына Галлиена (260 – 268 года нашей эры). Галлиен двумя эдиктами объявил христиан свободными от преследований, возвратил им конфискованное имущество, молитвенные дома, кладбища и прочее. Именно благодаря ему христиане обрели право на имущество и около сорока лет пользовались религиозной свободой – до появления эдикта, изданного в 303 году императором Диоклетианом.

– Император Диоклетиан (правил с 284 по 305 года нашей эры) – очень интересная историческая фигура. Я бы с удовольствием рассказала вам о нём подробно. – ИВА остановилась напротив Кирилла, нагнулась и внимательно изучила записи в его тетради. Никак не прокомментировала и пошла к доске. – Но лучше я дам Вам задание – написать о Диоклетиане реферат. Такой небольшой – страниц на пять! Небольшой, потому что наш курс посвящен не изучению римских императоров, а все-таки кое-чему другому. А пока что пара слов:

Диоклетиан в течение двадцати лет своего правления не преследовал христиан – хотя лично был привержен традиционному язычеству (он поклонялся олимпийским богам). Некоторые христиане даже занимали видные места в войске и в правительстве, а жена и дочь Диоклетиана сочувствовали Церкви Христа.

Но в конце правления император (под влиянием зятя Галерия) вдруг издал четыре антихристианских эдикта. В 303 году был издан эдикт, в котором предписывалось христианские собрания запретить, церкви разрушить, священные книги отобрать и сжечь, христиан лишить всех должностей и прав.

Гонения начались с того, что римские власти разрушили великолепный храм никоимидийских христиан – под предлогом отказа христиан поклоняться олимпийским богам и приносить в их честь жертвы. А вскоре после этого случился пожар в императорском дворце – в этом обвинили христиан, которые якобы отомстили императору за храм.

В 304 году вышел самый страшный из всех эдиктов, согласно которому все христиане поголовно осуждались на пытки и мучения с целью принудить их к отречению от веры. Все христиане под страхом смерти были обязаны совершить жертвоприношения. Начались самые лютые гонения за всю историю христианства. От применения этого эдикта по всей империи пострадало множество верующих.

Среди наиболее известных и почитаемых мучеников времени гонения императора Диоклетиана были: Маркеллин, папа Римский, с дружиной, Маркелл, папа Римский, с дружиной, великомученица Анастасия Узорешительница, великомученик Георгий Победоносец, мученики Андрей Стратилат, Иоанн Воин, Косма и Дамиан Бессребреники, великомученик Пантелеимон Никомидийский.

Великое гонение на христиан (303-313 годов нашей эры), начавшееся при императоре Диоклетиане и продолжившееся его наследниками, было последним и самым суровым преследованием христиан в Римской империи.

Свирепость мучителей доходила до такой степени, что изувеченных лечили, чтобы снова мучить, и мучили иногда от десяти до ста человек в день, без различия пола и возраста. Гонения распространились в разных областях империи (кроме Галлии, Британии и Испании, где управлял благосклонный к христианам Констанций Хлор – отец будущего императора Константина).

В 305 году Диоклетиан отказался от правления в пользу своего зятя Галерия, который люто ненавидел христиан и требовал полного их истребления. И став августом-императором, продолжал преследования с той же жестокостью.

Число мучеников, пострадавших при императоре Галерии, чрезвычайно велико. Из них широко известны великомученик Димитрий Солунский, Кир и Иоанн Бессребреники, великомученица Екатерина Александрийская, великомученик Феодор Тирон, многочисленные дружины святых, такие как «Сто пятьдесят шесть Тирских мучеников» во главе с епископами Пелием и Нилом и др.

Но незадолго до своей смерти, пораженный тяжелой и неизлечимой болезнью, Галерий убедился, что никакая человеческая сила, никакие приказы императоров, не могут уничтожить христианство. Поэтому в 311 году он издал эдикт о прекращении гонений, а взамен потребовал от христиан молитв за империю и императора. Однако, как это множество раз бывало прежде, умиротворяющий эдикт 311 года еще не обеспечивал христианам безопасности и свободы от преследования.

Соправителем Галерия был Максимин Даза, ярый враг христиан. Максимин, управлявший азиатским Востоком (Египет, Сирия и Палестина), даже после смерти Галерия продолжал преследовать христиан. Преследования на Востоке активно продолжались до 313 года, когда по требованию уже нового императора – Константина Великого – Максимин Даза был вынужден их прекратить.

Ну, а теперь, собственно, о Константине Великом. Именно он издал в 313 году знаменитый Миланский Эдикт, даровавший свободу вероисповедания христианам и возвращавший им все конфискованные церкви и церковное имущество.

Миланский эдикт явился важным шагом на пути превращения христианства в официальную религию империи. Этот эдикт был продолжением Никомедийского эдикта от 311 года, выпущенного императором Галерием. Однако если Никомедийский эдикт легализовал христианство и разрешал отправление обрядов при условии, что христиане будут молиться о благополучии республики и императора, Миланский эдикт пошёл ещё дальше.

В соответствии с этим эдиктом все религии уравнивались в правах – и таким образом, традиционное римское язычество теряло роль официальной религии. Эдикт особенно выделял христиан и предусматривал возвращение христианам и христианским общинам всей собствен-

ности, которая была у них отнята во время гонений. Эдикт также предусматривал компенсацию из казны тем, кто вступил во владение собственностью, ранее принадлежавшей христианам, и был вынужден вернуть эту собственность прежним владельцам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.